

Лауреаты Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской

Сергей Алексеев

Сто рассказов из русской истории

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1972

Лауреаты Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской

Постановлением Совета Министров РСФСР от 24 декабря 1970 года Алексееву Сергею Петровичу, писателю, за книгу «Сто рассказов из русской истории» присуждена Государственная премия РСФСР имени Н. К. Крупской

Сергей Алексеев

Сто рассказов из русской истории

9(С)
А47

Эта книга для тех, кто любит родную историю. Чем прославился фельдмаршал Суворов? Чем знаменит Кутузов? Почему и в рассказах своих, и в легендах, и в песнях народ бережно хранит имя Степана Разина? Почему и сейчас, много поколений спустя, мы вспоминаем Петра Первого? Велика наша Родина. Велико ее прошлое. У нас есть что вспомнить и чем гордиться.

Мы живем в свободной и могучей стране. Наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик — первое рабоче-крестьянское государство на земле.

Но нелегок был путь к победе.

Как жили рабочие до революции? Как боролись? Как победили? Как стали строить новую свободную жизнь?

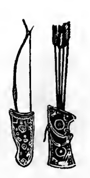
Об этом тоже расскажет книга.

Последний ее раздел — рассказы о Владимире Ильиче Ленине — вожде и человеке.

Это книга о нашем непобедимом народе. Книга для тех, кто и сам бы хотел быть похожим на наших прославленных предков — тех, кто сражался под знаменами Суворова и Кутузова, на героев Великого Октября.

Иллюстрации В. МАКЕЕВА

7—6—2
220—72

Рассказы о Степане Разине, казаках и восставших крестьянах

ВСАДНИК

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись всадники на пригорок. Смотрят — что за диво. Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха да сын-малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю.

Главный из них кинул суровым взглядом:

— Ты что же, твоя душа, людишек заместо скотины!

Смотрит крестьянин — перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный кафтан. Под кафтаном цветная рубаха. Нагайка в руках крученая.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода»,— соображает мужик.

Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

— Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекосилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину.

Мужик попятился, вскочил и бежать с испуга.

— Да стой ты, леший! Стой ты! Куда?! — раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

— На, забирай коня,— протянул человек мужику поводья.

Опешил крестьянин. Застыли жена и старуха мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин»,— решает мужик. Стоит. Не шелохнется.

— Бери же. Смотри, передумаю,— пригрозил человек. И пошел себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался, обронил он случайно кисет с табаком.

«Всевышний, всевышний послал»,— зашептал сбалдело крестьянин.

Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался. Да не

колдовство ли все это. Потянулся он к лошади. Конь и дернул его копытом.

Схватился мужик за побитое место.

— Настоящий! — взвыл от великого счастья.— Кто вы, откуда?! — бросился мужик к молодому парню.

— Люди залетные. Соколы вольные. Ветры весенние,— загадочно подмигнул молодец.

— Да за кого мне молиться? Кто же тот, в шапке, такой?

— Разин. Степан Тимофеевич Разин! — уже с ходу прокричал верховой.

СТРЕЛЕЦКИЕ СТРУГИ

— Разин, Разин идет!

— Степан Тимофеевич!

1670 год. Неспокойно в государстве Российском. В огромной тревоге бояре и царские слуги. Восстал, встрепенулся подневольный, угнетаемый люд. Крестьяне, казаки, башкирцы, татары, мордва. Сотни их, великие тысячи.

Ведет крестьянское войско лихой атаман донской казак Степан Тимофеевич Разин.

— Слава Разину, слава!

Восставшие подступили к Царицыну. Остановились чуть выше города. На крутом берегу Волги. Устроили лагерь.

— Нам бы, не мешкав, Царицын брать,— пошли среди казаков разговоры.

Вечером в темноте явились к Разину горожане:

— Приходи, батюшка, властвуй. Ждут людишки тебя в Царицыне. Стрельцов немного, да и те не помеха. Откроем тебе ворота.

— Бери, бери, атаман, Царицын,— наседают советчики.

Однако Разин не торопился. Знал он, что сверху по Волге движется на стругах к Царицыну большое стрелецкое войско. У стрельцов пушки, мушкеты, пищали, пороху хоть отбавляй. Стрельцы ратному делу обучены. Ведет их знатный командир голова Лопатин. «Как же с меньшими силами побить нам такую рать,— думает Разин.— В городе тут не схоронишься. Разве что дольше продержишься. А нам бы под корень. В полный казацкий взмах».

Все ближе и ближе подплывает Лопатин к Царицыну.

— Бери, атаман, твердыню! — кричат казаки.

Не торопится, мешкает атаман.

Каждый день посылает Лопатин вперед лазутчиков. Доносят они начальнику, как ведут себя казаки.

— Стоят на кручах. Город не трогают.

«Дурни,— посмеивается голова Лопатин.— Нет среди них доброго командира».

— Батюшка, батька, отец, Царицын бери,— умоляют восставшие своего атамана.

Молчит, словно не слышит призывов, Разин.

Тем делом лопатинский караван поравнялся с казацкими кручами. Открылась оттуда стрельба.

«Стреляйте, стреляйте,— язвит Лопатин.— То-то важно, кто победное стрельнет».

Держится он подальше от опасного берега. Вот и Царицын вдали. Вот уже рядом. Вот и пушка салют-привет ударила с крепости.

Доволен Лопатин. Потирает руки.

И вдруг... Что такое?! С царицынских стен посыпались ядра. Одно, второе, десятое. Летят они в царские струги. Наклоняются, тонут струги, как бумажные корабли.

На высокой городской стене кто-то заметил широкоплечего казака в атаманском кафтане.

— Разин, Разин в Царицыне!

— Разбойники в городе!

— Стой, повертай назад!

Но в это время, как по команде, и с левого и с правого берега Волги устремились к каравану челны с казаками. Словно пчелы на мед, полезли разинцы на стрелецкие струги.

— Бей их! Круши!

— Голову руби голове!

Сдались стрелецкие струги.

— Хитер, хитер атаман,— восхищались после победы восставшие.— Ты смотри — обманул голову. До последней минуты не брал Царицына.

— У головы — голова, у Разина — две,— долго шутили разинцы.

НЕ ОСУДИТ

Боярин Труба-Нащекин истязал своего крепостного. Скрутили несчастному руки и ноги, привязали вожжами к лавке. Стоит рядом боярин с кнутом в руке, бьет по оголенной спине крестьянина.

— Так тебе, так тебе, племя сермяжное. Получай от меня, холоп. Научу тебя шапку снимать перед барином.

Ударит Труба-Нащекин кнутом, поведет ремень на себя, чтобы кожу вспороть до крови. Отдышится, брызнет соленой водой на рану. И снова за кнут.

— Батюшка, Ливонтий Минаич,— молит мужик.— Пожалей. Не губи. Не было злого умысла. Не видел тебя при встрече.

Не слушает боярин мольбы и стонов, продолжает страшное дело.

Теряет крестьянин последние силы. Собрался он с духом и молвил:

— Ужо тебе, барин. Вот Разин придет.

И вдруг...

— Разин, Разин идет,— разнеслось по боярскому дому.

Перекосилось у Трубы-Нащекина лицо от испуга. Бросил он кнут. Оставил крестьянина. Подхватил полы кафтана, в дверь — и бежать.

Ворвались разинские казаки в боярскую вотчину, перебили боярских слуг. Однако сам хозяин куда-то скрылся.

Собрал Разин крестьян на открытом месте. Объявляет им волю. Затем предложил избрать старшину над крестьянами.

— Косого Гурьяна! Гурку, Гурку! — закричали собравшиеся.— Он самый умный. Он справедливее всех.

— Гурку так Гурку,— произнес Разин.— Где он? Выходи-ка сюда.

— Дома он, дома. Он боярином люто побит.

Оставил Разин круг, пошел к дому Косого Гурьяна. Вошел. Лежит на лавке побитый страдалец. Лежит, не шевелится. Спина приоткрыта. Не спина — кровавое месиво.

— Гурьян,— позвал атаман крестьянина.

Шевельнулся тот. Чуть приоткрыл глаза.

— Дождались. Пришел,— прошептал несчастный. Появилась на лице у него улыбка. Появилась и тут же исчезла. Умер Гурьян.

Вернулся Разин к казацко-крестьянскому кругу.

— Где боярин?! — взревел.

— Не нашли, отец-атаман.

— Где боярин?! — словно не слыша ответа, повторил Степан Тимофеевич.

Казаки бросились снова на поиск. Вскоре боярин нашелся. Забился он в печку, в парильне, в баньке. Там и сидел. Притащили Трубу-Нащекина к Разину.

— Вздернуть, вздернуть его! — понеслись голоса.

— Тащи на березу! — скомандовал Разин.

— Пожалей. Не губи,— взмолился Труба-Нащекин.— Пожалей,— заплакал он тонким, пронзительным, бабьим криком.

Разин зло усмехнулся.

— Кончай, атаман, кончай. Не тяни,— зашумели крестьяне.

И вдруг подошла девочка. Маленькая-маленькая. Посмотрела она на Разина:

— Пожалей его, дяденька.

Притихли крестьяне. Смотрят на девочку. Откуда такая?

— Может, безбожное дело затеяли,— вдруг вымолвил кто-то.— К добру ли, если несмышленыш-дите осуждает.

Все выжидающе уставились на атамана.

Глянул Разин на девочку, посмотрел на мужиков, потом вдаль, на высокое небо.

— Вырастет — поймет, не осудит. Вешай,— прикрикнул на казаков.

СПАСИ-И-ТЕ!

Разин сидел на берегу Волги. Ночь. Оперся Разин на саблю, задумался.

«Куда повернуть походом? То ли на юг — вниз по матушке-Волге, к Астрахани, к Каспийскому морю. То ли идти на север — на Саратов, Самару, Казань, а там — и Москву.

Москва, Москва. Город всем городам. Вот бы куда податься. Прийти, разогнать бояр. Да рано. Силы пока не те. Пушек, пороху маловато, мушкетов. Мужики к войне не привычны. Одежонка у многих рвань. Стало, идти на юг,— рассуждает Степан Тимофеевич.— Откормиться. Одеться. Войско отладить. А там...— у Разина дух захватило,— а там — всю боярскую Русь по хребту, да за горло».

Сидит атаман у берега Волги, думает думы свои. Вдруг раздался крик на реке. Вначале тихий — Разин решил, что ослышался. Потом все громче и громче:

— Спаси-и-ите!

Темень кругом. Чернота. Ничего не видно. Но ясно, что кто-то тонет, кто-то бьется на быстрине.

Рванулся Разин к реке. Как был в одежде, так и бухнулся в воду.

Плывет атаман на голос. Взмах, еще взмах.

— Кто там — держись!

Никто не ответил.

«Опоздал, опоздал,— сокрушается Разин.— Погиб ни за что человек». Проплыл он еще с десяток саженей. Решил возвращаться назад. Да только в это самое время метнулась перед ним косматая борода и дернулись чьи-то руки.

— Спаси-и-те! — прохрипел бородач. И сразу опять под воду.

«Эн, теперь не уйдешь»,— повеселел атаман. Нырнул он и выволок человека. Вынес на берег. Положил на песок. На грудь принажал коленкой. Хлынула вода изо рта у спасенного.

— Напился,— усмехнулся Степан Тимофеевич.

Вскоре спасенный открыл глаза, глянул на атамана:

— Спасибо тебе, казак.

Смотрит Разин на незнакомца. Хилый, иссохший мужичонка. В рваных портках, в холщовой, разлезшейся по бокам рубахе.

— Кто ты?

— Беглый я. К Разину пробираюсь. Слыхал?

Мужик застонал и забылся.

В это время на берегу послышались голоса.

— Ба-а-тюшка! Атаман! Степа-а-н Тимофеевич!

Видать, приближенные ходили, искали Разина. Разин ступил в темноту.

Поравнялись казаки с мужиком. Наклонились, прислушались.

— Дышит!

Потащили двое спасенного в лагерь, а другие пошли дальше берегом Волги:

— Ба-а-тюшка! Атаман!

Утром есаулы доложили Разину, что ночью кто-то из казаков спас беглого человека. Только кто, неизвестно. Не признаются в казачьих сотнях.

— Видать, не всех опросили? — усмехнулся Степан Тимофеевич.

ЯИЦКИЙ КАМЕННЫЙ ГОРОДОК

Река Яик. Каспийское море. Яицкий каменный городок.

Высокие яицкие башни, стены метровы, ворота дубовы. Не городок, а твердынь.

«Тут отдыхать моим казакам,— раздумывал Разин.— Да только пойди возьми городок. Полвойска у стен уложишь».

И вот однажды Разину доложили — в степи схвачены люди. Человек тридцать. Идут в Яицкую крепость. Богомольцы. Монахи.

Хотел Разин сказать: «Людишки святые, мирные. Отпустите, пусть-ка идут». Да вдруг спохватился:

— Эн, постойте. Ведите сюда.

Явились монахи.

— Раздевайся!

Позвал казаков.

— Одевайся!

Поменялись они нарядами.

Неспокойно в Яицкой крепости. Знают стрельцы, знает начальник, что где-то Разин рядом в степи. Того и гляди под стены пожалует.

Усилил начальник охрану крепости. Строго наказал никого не выпускать и не впускать без доклада. К ночи ворота — на все засовы.

Солнце клонилось к закату. Стоят дозорные в караулах. Смотрят внимательно в степь.

Вдруг видят — движется к городу группа людей. Присмотрелись — монахи.

Подошли богомольцы к воротам:

— Откройте.

Смутились охранники:

— Куда вы?

— В соборы яицкие. К иконам святым на поклон.

— Ночуйте в степи. Не велено, странники.

— Ах вы, безбожники,— зароптали монахи.— Ужо попомнит господь.

Караульные пошли, доложили начальнику.

— Сколько их?

— Душ тридцать.

— Впустите. Да смотрите, чтобы лишку не оказалось.

Тем делом стало совсем темно. Вернулись посыльные. Открыли засовы. Бородатый стрелец, впуская по одному, стал пересчитывать богомольцев.

— Один, второй... двадцатый... тридцатый. Стойте!

— Ты что, борода. Считать не умеешь,— послышался чей-то голос.— Еще и двадцати не прошло.

«Что такое»,— растерялся стрелец.

Вот уже сорок. Вот уже пятьдесят. Вот уже и мужики поперли. Вот и лошадиная морда сунулась. Один верховой, за ним второй, за вторым — третий.

— Стойте! Стойте! — кричит охранник.

Да где тут! Подбежал к нему здоровенный детина. Зажал рот приготовленным кляпом.

Пока поняли в крепости, в чем дело. Пока подняли крик, было уже поздно.

Так и достался Яицкий городок Разину без всякого боя. Правда, на улицах постреляли. Да это уже не в счет.

Был городок боярский. Стал разинский городок.

РУКИ

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу, к Разину.

Шли ночами. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц.

Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй, поучал:

— Он, атаман Степан Тимофеевич,—грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: владеете саблей — говорите, владеем. Колете пикой — колем.

Явились крестьяне к Разину:

— Принимай, отец-атаман, в войско свое казацкое.

— Саблей владеете?

— Владеем.

— Пикой колете?

— Колем.

— Да ну,— подивился Разин. Приказал привести коня.— Залезай, борода,— показал на дядю Митяя.— Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал, казнит за вранье атаман». Стал он выкручиваться:

— Да мы больше пеше.

— В казаках, да и пеше?! А ну-ка залазь!

— Да я с дороги, отец, устал.

— Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю...

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул он саблей, да тут же и выронил.

— Сабля с нóровом, с нóровом. Не дается упрямая,— гогочут вокруг казаки.

— Зачем ему сабля. Он лаптем по ворогу,— пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

— Зря, атаман, смеешься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

— Возьму да и встану.

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, от роду не пахивал поле. Думал — дело простое. Начал — не ладится.

— Куда, куда скривил борозду,— покрикивает дядя Митяй.

— Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже землицу,— подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее — лопнул сошник.

— Соха с нóровом, с нóровом. Не дается упрямая,— засмеялись крестьяне.

— Да зачем казаку соха. Он саблей землицу вспашет,— похихикивает дядя Митяй.

Посмотрел Разин на мужиков. Рассмеялся.

— Молодец, борода,— похлопал по плечу дядю Митяя.— Благодарю за науку. Эй,— закричал казакам,— не забижать хлебопашный народ: выдать коней, приклад. Равнять с казаками.— Потом задумался и добавил: — И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

ТРЕТЬ АРШИНА

При взятии городов Разин строго наказывал никому из купцов не чинить обиды. Понимал Разин: без купца ни соли, ни спичек — гвоздя и того не достанешь.

— Мы их не тронем, отец-атаман,— отвечали восставшие.— Они бы нас не обидели.

— Обидишь вас,— усмехнулся Степан Тимофеевич.—

А обидят: обмерят, обвесят — так взыск. Моим атаманским именем.

Вступили разинцы в Астрахань. Открыли купцы свои лавки, разложили товары. Разин сам прошел по рядам. Даже купил сапожки. Красные, маленькие — гостинец для дочки своей Параши.

Вернулся Степан Тимофеевич в свой атаманский шатер. Доволен. Бойко, мирно идет торговля.

Толпится народ у лавки купца Окаемова. Торгует купец атласом и шелком. Покупают казаки красные, зеленые, желтые штуки себе на выходные рубахи. Отмеряет купец. Отмеряет и думает: «Или я уже не купец, или я человек не торговый, чтобы при такой-то удаче и не обмерить?» Перекрестился купец и стал каждому по трети аршина недорезать.

Прошло полдня, как вдруг кто-то из казаков заметил обман. Стали казаки проверять свои шелковистые штуки. И у одного, и у второго, и у пятого, и у десятого по трети аршина в куске не хватает.

— Держи его, нечестивца!

— К ответу злодея!

Схватили купца покупатели. Вытащили из лавки, тут же устроили суд. Через час дежурный есаул докладывал Разину:

— Дюже обозлился народ. Укоротили купца.

— Как — укоротили? — насупился Разин.

— На треть аршина.

— Как так — на треть аршина?!

— Голову с плеч.

— Тьфу ты! — ругнулся Разин.— Ну-ка зови обидчиков.

Явились казаки к атаману.

В страшном гневе кричит на них Разин:

— За треть аршина — жизни купца лишили. Кровью за тряпки брызнули.

— Не гневись, не гневись, атаман, подумай,— отвечают ему казаки.— Да разве в аршинах дело. Воровскую голову с плеч — лишь польза народу. Тут бы и нам, и внукам, и правнукам дело такое попомнить. Не гневись, атаман.

Остыл Разин.

— Ладно, ступайте. «Нужен, нужен купец народу,— рассуждал про себя Степан Тимофеевич.— Нельзя без торгового люда. Да ведь и беда от него немалая, когда Окаемовы там заводятся. Может, и правду решили люди».

КАЗАЦКОЕ СЛОВО

Два молодых казака Гусь и Присевка заспорили, кто больше народному делу предан.

— Я,— кричит Гусь.

— Нет я,— уверяет Присевка.

— Я жизни не пожалею,— бьет себя Гусь в грудь кулаком.

— Я пытки любые снесу и не пикну,— клянется Присевка.

— Хочешь, я палец в доказ отрежу.

— Что палец. Я руку себе оттяпну!

Расшумелись казаки, не уступают один другому.

Разин в это время проходил по лагерю и услышал казацкий спор. Остановился он. Усмехнулся.

Заметили спорщики атамана. Притихли.

Посмотрел Степан Тимофеевич на молодцов:

— Ну и крикуны: жизнь, пытки, палец, рука. Хотите себя проверить?

— Приказывай, атаман! Слово даем казацкое.

— Грамоте учены?

— Нет, Степан Тимофеевич.

— Так вот: кто первым осилит сию премудрость — тому настоящая вера.

Смутились казаки. Не ожидали такого. Ну и задал отец-атаман задачу. Однако что же тут делать? Назад не пойдешь. Слово казацкое брошено.

Не зря говорил про грамоту Разин. Нужны ему люди, умеющие писать и читать. Мало таких. Трудно крестьянскому войску.

Пошли казаки в церковь, разыскали дьячка:

— Обучай, длинногривый.

Сели они за буквы. Пыхтят, стараются казаки.

Только трудно дается наука. Неделя проходит, вторая.

— Сил моих больше нет, силушек,— плачет по-детски Гусь.

— Уж лучше бы смерть от стрелецкой пули,— стонет Присевка.

Проходит еще неделя.

— Голова моя, голова разлетается. Помру я при этом деле,— убивается Гусь.

— За что же муки такие адовы,— причитает Присевка.

Стонут, проклинают судьбу свою казаки. Стонут, а все же стараются. Слово казацкое дадено.

Прошло целых два месяца.

— Ну, ступайте,— произнес наконец дьячок.

Словно ветром дунуло в казаков — помчались быстрее к Разину.

— Осилили, отец-атаман, премудрость!

— Да ну! — не поверил Степан Тимофеевич.

— Проверяй!

Протянул Разин Гусю писаный лист бумаги.

— Читай-ка.

Читает Гусь. Правда, не так, чтобы очень гладко. Однако все верно, все разбирает.

— Молодец, казак! — похвалил Разин.

Достал он лист чистой бумаги, протянул Присевке.

— Пиши-ка.

Пишет Присевка. Правда, не так, чтобы очень быстро. Однако все верно. Буквы не путает.

— Молодец, казак,— подивился Разин.

Приблизил Степан Тимофеевич к себе казаков. Приставил к разбору важных бумаг и сообщений. Дельными оказались они помощниками.

— Молодцы, молодцы,— не нахвалится Разин.— Не опозорили честь казацкую.

Смущаются Гусь и Присевка.

— А как же — дело народное.

РАЗИНКА

В бою под Симбирском Разина тяжело ранило в голову.

Верные казаки везли атамана домой, на родную донскую землю. Между Волгой и Доном заночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли больного в избу.

Вскоре к Разину подошел мальчик-подросток, протянул яблоко:

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

— Что?!

— Разинкой называется,— объяснил мальчик.

Брови Разина от удивления приподнялись. Задумался атаман...

Было это в 1667 году при первом походе Разина с казаками на Волгу. Вот и тогда он ночевал на этом же самом хуторе.

Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблони. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

— Давай помогу.

— Доброе дело,— ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленькую, еще без листочков. Хиленький, тоненький стебелек.

— Приезжай, Степушка, через три года. Отведаешь разинку,— приглашал атамана старик.

И вот прошло не три, целых четыре года. «Привела все же судьба,— подумал Разин.— К хорошим делам приводит».

— А где же дедусь? — спросил он у мальчика.

— Помер дедусь. Еще по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, все кликал тебя, Степан Тимофеевич. Все про яблоньку говорил. Беречь ее и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное. Пустило крепкие ветви в стороны. И висели на нем яркие, крупные — в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка»,— произнес про себя Степан Тимофеевич. Попросил он отнести себя на могилу дедову, поклонился холмику низко-низко и скомандовал трогаться дальше в путь.

Всю дорогу Разин говорил о садах.

— Красота-то какая. По всему Дону, по всей Волге, по свету всему посадим такую прелесть. Скинем бояр — за сады возьмемся. Чтобы полыхало по весне белым огнем вокруг. Чтобы к осени ветки до корня гнулись. Да что сады — жизнь перестроим. Перепашем, перевернем сошником. Травы дурные — вон. Колос — наружу. Чтобы в радость великую людям. Чтобы счастье всему народу.

Не дожил атаман до счастливого времени, не удалось восставшим сбросить царя и бояр. После возвращении на Дон Разин был схвачен богатыми казаками. Его заковали в цепи, привезли в Москву и казнили на Красной площади.

Взлетел над головой топор палача. Взлетел. Опустился...

Погиб Степан Тимофеевич Разин. Погиб, а память осталась. Вечная память, вечная слава.

Рассказы о царе Петре и его времени

КАПИТАН БОМБАРДИРСКОЙ РОТЫ[1]

Русская армия шла к Нарве.

«Тра-та-та, тра-та-та!» — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колена солдатские ноги в грязи.

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ось.

Кричат солдаты на лошадей, бьют кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости. Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой — пушки ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперед! — кричит один.

— Назад! — командует другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегает вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты. Рост у капитана громадный, метра два, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные, как смоль, усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы,— произнес капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан,— проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бережешь! — набросился ка-

---

[1] **Капитан бомбардирской роты** — военное звание артиллерийского офицера; бомбардиры — солдаты артиллерийских частей русской армии.

питан на сержанта.— Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— Да я... да мы...— заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее! Потом подошел опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты даже крякнули от удивления. Подбежали, навалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» — похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые,— закричал генерал,— тут государев возок не проезжал?

— Нет, ваше высочество,— ответили солдаты,— тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — спросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

БЕЗ НАРВЫ НЕ ВИДАТЬ МОРЯ

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, объезжает застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом — как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Петр знал с детства. Служил в ту пору Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

— Пироги жареные, пироги жареные! — кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского. Вдруг смотрит Меншиков — идет мальчик. По одежде догадался — молодой царь.

— Хочешь, фокус покажу? — обратился Алексашка к Петру.

— Хочу.

Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович»,— почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

— Эй, эй! — кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь дух. Подбрасывает на неровной дороге царский возок. Разлетается в стороны липкая грязь.

Петр сидит молча, смотрит на широкую спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьему и вовсе голову пробило.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку — бух! — и летит пареная репа в толстые животы и бородатые лица. Подхватят бояре полы расшитых одежд — и в разные стороны. А Петр выхватит шпагу и кричит:

— Победа! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка — Преображенский и Семеновский. Царь называет их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то себя покажут старые дружки-приятели? — думает Петр.— Это тебе не с боярами воевать».

— Государь! — выводит Меншиков царя из раздумья.— Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом, крутом берегу реки Наровы стоит крепость. Кругом крепости — каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок — крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка — Длинный Герман.

А против Нарвы, на правом берегу Наровы,— другая крепость: Иван-город. И Иван-город обнесен неприступной стеной.

— Нелегко, государь, такую крепость воевать,— говорит Меншиков.

— Нелегко,— отвечает Петр.— А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«ГОСУДАРЬ, ДОЗВОЛЬ МОЛВИТЬ»

Русские под Нарвой были разбиты. Страна оказалась к войне подготовленной плохо. Не хватало оружия, обмундирования, войска были плохо обучены.

Зима. Мороз. Ветер. По снежной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег. Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий!

Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж,— ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста,— думает Демидов.— Ой, неспроста царь пожаловал».

Так и есть.

— Никита Демидович,— говорит Петр,— про Нарву слыхал?

Не знает что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри,— говорит Петр.

— Слыхал,— произносит Демидов.

— Вот так-то,— отвечает Петр.— Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно,— говорит Петр.

— Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, плохи. Железа нет, леса нет. Горе, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке,

смотрит в окно на заводской двор. Там в рваных одеждах и стоптанных лаптях мужики тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье,— говорит Демидов.— По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся.— А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволь молвить.

Петр помолчал, посмотрел на Демидова, произнес:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки,— проговорил Демидов,— на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то,— что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Петр.

— Он самый,— ответил Демидов.

— Слыхал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!

— Ничего, государь, ничего,— убежденно заговорил Демидов.— Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

— Ладно, Никита Демидович,— наконец произносит Петр,— быть по-твоему, напишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с богом. Да смотри у меня. Знай: нет сейчас в государстве иных более важных дел. Запомни. Подведешь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

КОЛОКОЛА

— Данилыч,— как-то сказал Петр Меншикову,— с церквей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Петр.— Медь

нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно,— стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю — старшему священнику. Узнав в чем дело, настоятель нахмурился, сморщил лоб. Однако встретил сержанта приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

— Пейте, служивые, ешьте,— приговаривал.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на колокольню, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал.— Куда колокола девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один! — возмутился сержант.— Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками.— Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси,— ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в до-

ма наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были,— говорят,— а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — все норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант.— Найди, где попы колокола спрятали,— патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашел.

— Да ну! — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашел! Давай патрон.

— Нет,— говорит сержант,— это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай,— подбадривает Федька,— уже скоро!

Отбежали от села версты три. С крутого берега спустились на лед.

— Вот тут,— говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — еще, а чуть дальше — еще и еще. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы сегодня Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель.— В добрый путь, служивый. Уж помолюсь, обязательно помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало,— сказал он,— пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель.— Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, залезал под поповские рясы, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по крутому берегу.

СЕНО, СОЛОМА

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты занимаются ружейными приемами, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой офицер, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит офицер.— Сено, солома!

«Что такое?» — думает Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома.

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю:

— Господин бомбардир-капитан, рота офицера Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Петр.

Вяземский царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан,— отвечает офицер.

— Как так — не дрянь! — возражает Петр.— Солдат позоришь. Устав не знаешь.

Вяземский все свое.

— Никак нет,— говорит.— Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут различить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Петр у генерала.

— Офицер Вяземский,— ответил генерал.

ПРО БОЯРСКИЕ БОРОДЫ

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца носить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали, охали. Бороды договорились не стричь, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными.

Вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первым.

— Тебе идти,— говорит Буйносов.

— Нет, тебе,— отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь,— просит,— не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Петр.— Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит: «Не срами, государь».

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помощи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем,— просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

— Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не остриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так! — возмутился Курносов.— Деньги мной уже плачены! — и показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе,— говорят сборщики,— срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят — сидит Курносов без бороды, злыми глазами на сборщиков глядит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и нужно,— сказал,— пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

ЧЕМУ МОЛОДЫЕ БОЯРЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ УЧИЛИСЬ

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сынков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки[1], суетятся люди, словно и не проводы, а горе в доме.

Расходилась буйносовская жена.

— Единого сына — и бог знает куда, в иноземщину,

[1] Мамки (мамка) — так в старину в богатых домах называли женщин, которые присматривали за детьми.

черту в зубы, немцу в пасть! Не пущу!— кричит.— Не отдам!

— Цыц!— закричал Буйносов на жену.— Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на виселицу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский,— потребовал Петр,— как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось,— отвечает Буйносов.— Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады друг другу в бороду вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» — «фатгер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну, а еще чему?— допытывался Петр.

— Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да,— сказал Петр,— многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

— Уж как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ[1]: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну, а ты что скажешь?— спросил Петр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно,— говорит Петр.— А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь,— отвечает Курносов,— есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику, как свои пять пальцев.

— Дельно,— говорит Петр.— Дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь,— отвечает Курносов,— есть описание моря или реки с указанием на нем отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути ко-

---

[1] Посольский приказ — так называлось в старину учреждение, которое занималось делами, связанными с делами других государств.

рабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно, дельно,— опять говорит Петр.— А еще чему научился?

— Да ко всему делу, государь, присматривался,— отвечает Курносов,— и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять. Не хуже у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец!— сказал Петр.— Оправдал, утешил.— И Петр поцеловал молодого Курносова.— А ты,— сказал Петр, обращаясь к Буйносову,— видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в безвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквах, да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре стали открываться школы. Назывались они цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий — никто не идет.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

— Почему,— спрашивает,— сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать!— отвечает купец.— Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие — школа.

Зашел учитель во второй дом, к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа!— отвечает мастер.— Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделать? — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что помощи от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу учитель.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел: идут солдаты, с ружьями, ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорит учитель. (Это значит буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Буки, — повторяют ученики.

— Веди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать. Узнали, где Каспийское море, где Черное и где Балтийское. Много чему научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал все как было.

— Вот здорово! — засмеялся Петр. — Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школы ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

РАДУЙСЯ МАЛОМУ, ТОГДА И БОЛЬШОЕ ПРИДЕТ

— Пора бы нам и свою газету иметь,— не раз говорил Петр своим приближенным.— От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр в это время отбирал вместе с печатным мастером Федором Поликарповым материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навытяжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши,— говорит Петр,— пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаючи можно сделать.

— А еще, государь, сообщают,— продолжает Поликарпов,— что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши,— говорит Петр,— пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут, что заводские мужики бунт учинили и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А это не пиши,— говорит Петр.— Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

— А из Казани, государь, пишут,— продолжает Поликарпов,— что нашли там немало нефти и медной руды.

— Это пиши,— говорит Петр,— пусть знают, что на Руси богатств — край непочатый, не считаны еще те богатства...

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А еще,— говорит Петр,— напиши, Федор, про школы, да здорово — так, чтобы все пользу от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри,— говорит,— газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и князя Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, нахмурился.

— Эх, ты!— проговорил.— Не тем местом, князь, мыслишь. А еще Головин! А еще князь! Нашел чем удивить — «в немецком городе Гамбурге!» Сам знаю: лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

ПРО ДАНИЛУ

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силен швед, силен,— говорили мужики,— не нам чета. И зачем нам море. Жили и проживем без моря.

— Вот и неправда,— говорил Данила.— Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит,— кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые. Все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять посвоему.

— Так и надо,— говорил.— Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь бог за такие дела не осудит.

— Богохульник! — назвал тогда Данилу батюшка и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи, затянули еще туже ремни на штанах.

— Ну, как тебе, — спрашивали они Данилу, — новые царевы порядки? Опять верно?

— Нет, — отвечал Данила, — у меня с царем не во всем согласие общее.

— Ишь ты! — огрызались мужики. — У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит, — отвечал Данила. — Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет — придет время, быть ему за это в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головой. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу, — ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес — может, поп, а может, и кто другой — про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытать.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унес, — отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский. — Да за такие речи на кол тебя посадить, смутьяна поганого!

— Сажай, — отвечает Данила. — Мужику все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр:

— За что человек на дыбе?

— Смутьян, — говорит князь Ромодановский. — Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит — перед ним царь. Набрался тогда Данила сил и произнес:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно что изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу:

— Вешай!— закричал, словно ужаленный, и пошел из избы прочь.

ГОРОД У МОРЯ

Вскоре царь Петр начал новую войну со шведами. Русские войска одержали первые победы и вышли к Финскому заливу, к тому месту, где в залив впадает река Нева.

Пустынны берега реки Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное: море.

Через несколько дней Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к морю. При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, ровный как ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь!— проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место,— ответил Петр.— Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колени в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет.

— Ай да Алексашка, ай да вид!— рассмеялся Петр.

— Ну и места проклятущие!— с обидой проговорил Меншиков.— Государь, пошли назад. Нечего эти болота мерить.

— Зачем же назад, иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями,— ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

— А вот смотри,— обратился Петр к Меншикову.— Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она с удивлением смотрела на людей, не улетала.

— Ишь ты,— проговорил Меншиков,— смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюжьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зеленой стороной, то внутренней — красной. Петр смотрел вдаль. Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч!— проговорил Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч!— вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился.

— Здесь, у моря,— Петр обвел рукой,— здесь, у моря,— повторил он,— будем строить город.

У Меншикова даже ботфорт выпал из рук.

— Город?— переспросил он.— Тут, на этих болотах, город?!

— Да,— ответил Петр и зашагал по берегу.

А Меншиков держал ботфорт и смотрел удивленно и восторженно на удаляющуюся фигуру Петра.

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом, на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встает и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи и болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжелые бревна. Возвращаются домой затемно. Придут усталые, развесят около печки мокрые портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валятся на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Все интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмущая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился.

Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды»,— попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке один. В землянке вода по колено. Скучно Никитке.

Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьем.

Повеселел Никитка.

— Встать!— подает команду.

Солдат стоит, глазом не моргнет.

— Ложись!— кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнет воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнет — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит. Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошел на работу. А днем нагрянул в землянку офицер с солдатами.

— Порядку не знаешь?!— закричал офицер на Силантия.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка...

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

— Никитка, Никитка!— тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнется. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьем. Мертв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях.

Город, который строил Никиткин отец, был Петербург.

Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

ЗА СЛАВУ РОССИЙСКУЮ

В 1704 году русские войска вторично подошли к Нарве. Тяжелый бой закончился полной победой русских.

Петр и Меншиков верхом на конях выехали из крепости. Следом, чуть поодаль, группой ехали русские генералы. Ссутулив плечи, Петр грузно сидел в седле и устало смотрел на рыжую холку своей лошади. Меншиков, привстав на стременах, то и дело поворачивал голову из стороны в сторону и приветственно махал шляпой встречным солдатам и офицерам.

Ехали молча.

— Государь,— вдруг проговорил Меншиков,— Петр Алексеевич, гляди,— и показал рукой на берег Наровы.

Петр посмотрел. На берегу реки, задрав кверху ствол, стояла пушка. Около пушки, обступив ее со всех сторон, толпились солдаты. Взобравшись на лафет с ковшом в руке, стоял сержант. Он опускал ковш в ствол пушки, что-то зачерпывал им и раздавал солдатам.

— Государь,— проговорил Меншиков,— смотри, никак пьют. Ну и придумали! Смотри, государь: в ствол пушки вино налили! Ай да бомбардиры! Орлы! Герои!

Петр улыбнулся. Остановил коня. Стали слышны солдатские голоса.

— За что пить будем?— спрашивает сержант и выжидающе смотрит на солдат.

— За царя Петра!— несется в ответ.

— За Нарву!

— За славный город Санкт-Питербурх!

Петр и Меншиков поехали дальше, а вслед им неслось:

— За артиллерию!

— За товарищев, животы свои положивших!

— Данилыч,— проговорил Петр,— поехали к морю.

Через час Петр стоял у самой воды. Волны лизали подошвы больших Петровых ботфортов. Царь скрестил руки и смотрел вдаль. Меншиков стоял чуть поодаль.

— Данилыч,— позвал Петр Меншикова,— а помнишь наш разговор тогда, в Новгороде?

— Помню.

— А Нарву?

— Помню.

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно. Верно,— поддакивает Меншиков.

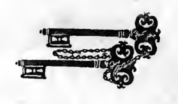
— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить? Не грех, Данилыч?

— Правильно, государь.

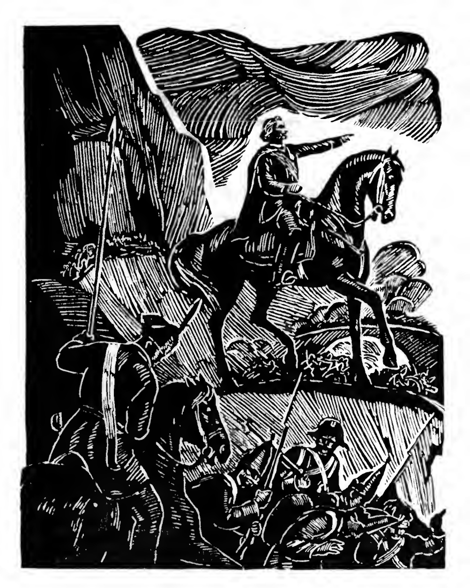
— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича!— выпалил Меншиков.

— Дурак!— оборвал Петр.— За море пить надобно, за славу российскую.

Рассказы о Суворове и русских солдатах

ПАКЕТ

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне,— говорит.— Не мне.

— Как — не вам!— поразился посыльный.— Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне,— повторил Суворов.— Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич!— закричал.— Ваше сиятельство!

— Ну что?— остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне,— произнес Суворов.— Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне,— произнес Суворов и распечатал пакет.

БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии го-

товились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастья и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это?— заволновался казачий сотник.

— Вперед!— кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной!— и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед!— закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары,— попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо!— ответил Суворов.— Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич,— говорит,— прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем?— возразил Суворов.— Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ДЕРЗОСТЬ

Шла война с турками. Суворов был уже генералом.

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиции для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба,— на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и автрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий,— усмехался Суворов.— Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, а те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло,— говорил Илловайский.— А я что, хуже? И мне повезет.

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат.

Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была,— оправдывался Илловайский.

— Дерзость!— кричал Суворов.— Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя,— говорил Суворов.— При лошадях он безопаснее.

ИЗМАИЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил: стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем?— спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно,— заговорили генералы.— Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов.— «Домой»! Нет,— сказал.— Русскому солдату дорога домой через Измаил ведет. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже как стадо баранов бегать.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут,— говорит,— лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней Суворов занимался с солдатами, а потом послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены.

Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались суворовские войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дро-

жащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю вместе со всеми и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай,— подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубаху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Одному за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Другому — за турецкий штандарт. Третьему за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да только покоя себе не находит. Подавлен. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?! — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов.— Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну,— думает,— пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец!— произнес.— Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Только, чур, медаль твоя. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

МОСТЫ

Русские сражались в Италии. Против Суворова действовали французские генералы. Выбирали французы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут,— решили,— при переправе мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты. Засучили солдаты рукава. Топоры в руки. Закипела работа. Моста два, один недалеко от другого. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдают французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство?— забеспокоились саперные офицеры.

— Молчок,— приложил палец ко рту Суворов.— Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по ее течению и переправил вброд, без всяких мостов на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают: мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любуется.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство,— кричит казачий сотник,— отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник,— отвечает Суворов,— место прекрасное. Гляди,— показал на высокие тополя,— лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — все как надо указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

— Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают.

СУП И КАША

Суворовская армия совершала стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят некормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов.— Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж,— отвечают генералы,— мы подождем. Вот-вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучались бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода. Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принялся раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

ПРОШКА

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался. «Повезло! — подумал.— Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец,— говорит Суворов.— Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучив глаза,— вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле дух,— говорит,— здоровый.— И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй!— закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трясется, то учинит проверку ночным караулам — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне бусурманская речь?— запротивился было солдат.

— Как — зачем!— обозлился Суворов.— Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца?[1]

— Два суворовских перехода!— гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крякнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!

Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно. «Ну,— думает,— не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звезд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство,— ответил солдат,— сочту,— и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат, не торопясь, звезды считает.

---

[1] **Месяц** — луна.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал.— Ну, уж на третий раз,— решил фельдмаршал,— я своего добьюсь: поставлю в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фрунт[1] и гаркнул:

— Виктория[2], ваше сиятельство.

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория,— повторил солдат.— Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктория!

Опешил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый,— произнес Суворов,— скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та,— не раздумывая, ответил солдат,— что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и все восхищался:

— Помилуй бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

СТОРОНИСЬ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватывало, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

---

[1] Во фрунт — то есть стал по стойке «смирно».

[2] Виктория — победа.

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!
— Уехал Суворов,— объяснили курьеру.
— Куда?
— В крепость Озерную.
Примчался офицер в Озерную:
— Здесь Суворов?
— Уехал.
— Куда?
— В крепость Ликолу.
Примчался в Ликолу:
— Здесь Суворов?
— Уехал.
— Куда?
— В Кюмень-град.
Прискакал в Кюмень-град:
— Здесь Суворов?
— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности,— каждый раз одно и то же отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри по ветру усами плещут.

— Удалец! Ой, удалец!— не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство,— произнес Прошка.— Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любуется. Дорога зимняя узкая, в один накат Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись!— закричал офицер.

Прошка замешкал: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер, и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише!— прикрикнул Суворов и снова любуется:— Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?!— поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, понять не может. А Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

ШТЫК

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии. Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат?— обратился Санька к Суворову.

— Солдат,— ответил фельдмаршал.

— Откуда идешь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это еще про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет,— говорит Суворов,— не знаю.

— Какой же ты солдат,— усмехнулся Санька,— раз не знаешь Суворова!— Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски:— Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!

Бегает Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не бреши, не бреши, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат и — штыка не было.

— Видит бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, но-

сил за собой как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

ПУДРА — НЕ ПОРОХ

Император Павел Первый принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий, манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не русский солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали. Нет ни геройства. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине. А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, еще немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

— Радость, ваше величество, невелика,— ответил.— Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— Букли,— буркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул на до сих пор не смененную фельдмаршалом старую русскую форму, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнес свою знаменитую фразу:

— Пудра — не порох, букли — не пушки, коса — не те-

сак, а я не немец, ваше величество, а природный русак!— и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

САЛО

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо-солдат Суворов.

Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Идут солдаты, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут поотмороженных и хворых своих товарищей. А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут еще несколько — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исхудали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба!— вздыхают солдаты.— Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются.

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить — тут впору одному бы наесться.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию,— предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашел первым,— возражает второй.

— Нет, так — чтоб каждому, каждому!— кричит третий.

Спорят солдаты.

И вдруг кто-то произнес:

— Братцы, а я думаю так: отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу.

Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало? — подивился тот. — Откуда такое?

Прошка и рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дороже себя. Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прошка. — Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одну персону.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

— Раненым? Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают. — Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнес. — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! — и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешептывались они по пути. — Вон как благодарил. Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«ВИЖУ!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков. — Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдем дальше. Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни.

И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повеселели солдаты. Ай да Кожин! Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал?

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин.— Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают,— и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибала какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу, и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга.

— Вижу!

— Вижу!

— Вижу!

— Ай да Кожин! Ай да молодец! Ай да глазастый! — кричат солдаты.— Первым увидел. Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу, к боевым товарищам.

Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню,— кричат.— Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов.— Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино,— хвалят солдаты.— Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка.— Тут все ясное. Генералиссимус надо разуметь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в драных портках.

— Заслужил,— согласился мужик с бородой.

А Суворов в это время стоял на крыльце и все слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога.— Не я,— повторил, подойдя к мужикам.— Вон Прошка мой самый главный. Вон тот,— ткнул в сторону рябого высоченного солдата.— Вот этот,— показал на приземистого седоусого капрала.— Вон они,— обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин,— наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал,— произнес хилый мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой.— Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

СЛАВА

Генерал князь Барохвостов завидовал суворовской славе. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство,— отвечает солдат,— что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство,— отвечает солдат,— что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А тот,— отвечает солдат,— что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмехаются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так,— возмущается князь Барохвостов.— Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?!

— Это потому, ваше сиятельство,— отвечает солдат,— что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

— А те,— отвечает солдат,— что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски.

Только как-то с этим у Барохвостова не получалось. Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Богатырская сила

ИДУТ ПО МОСТУ СОЛДАТЫ

1812 год. Лето. Мост через реку Неман. Граница России. Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты.

— Императору вива!

— Франции вива!

— Слава, слава, слава! — несется со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском коне, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застегнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближенных. Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с еще большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнес Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моем лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала:

— Отрастите русскую бороду,— издевается Наполеон.— Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалекого леса подымается солнце. Глянул маленький пламенеющий бугорок, ожег синеву, затем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар пожаром вкатился в небо.

Наполеон привстал в стременах:

— Вот оно, солнце Аустерлица![1]

---

[1] В Австрии под городом Аустерлицем Наполеон одержал одну из наиболее значительных своих побед.

— Императору слава!
— Франции слава!
— Вива, вива, вива! — несется со всех сторон.
Красные, желтые, синие — мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.
Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

СКАЗКА СТАРОГО КАПРАЛА

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.
Ропщут солдаты:
— Что мы — зайцы трусливые!
— Что в нас — кровь лягушиная!
— Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!
Рвутся солдаты в бой.
Русских армии две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.
У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.
Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.
— Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.
— Пропала солдатская честь!
Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:
— Хотите, сказку скажу?
— Сказывай.
Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.
— Давно ли то было, недавно,— начал капрал,— дело

не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами:

«Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк,— говорит лосенок.— Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберется мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосенка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защелкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк,— отвечает лось.— Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся»,— ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защелкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намек.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

«ГДЕ ЖЕ ОНИ, ГЕРОИ?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака.

Атака. Снова атака.

Топот солдатских ног. Пушек звериный рев. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет. Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский.

Бьются другие полки и роты. Не уступают в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Брызжет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер Заноза кровь, шуткой других забавляет:

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лежа целит, в врага стреляет:

— Братцы, вперед!

Бьются герои. Льется потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром туманами. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гарева. Негде укрыться от палева. Бушует, мечется огненный водоворот, идет по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам все новые и новые части. Понимает Барклай де Толли — не осилить французов русским, ночью отдал приказ отойти войскам.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые версты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассаду.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай де Толли:

— Слава героям!

Переглядываются солдаты:

«Кому это Барклай де Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам,— решают симбирцы.

— Видать, уфимцам,— решают волынцы.

— Видать, симбирцам,— решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам:

— Где же они, герои?

ВОЕННЫЙ МАНЕВР

Нелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен. Дважды в голову, раз в щеку. В одном из сражений Кутузову выбило правый глаз.

Пора бы уже в отставку, на стариковский покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь. Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов»,— идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберегать надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать».

Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты.— Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда,— отвечает Кутузов.— Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов.— Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступать!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы,— ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится — продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой!

— Что-то непонятное,— разводят они руками.

— Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

НОВАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб. а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а,— вздохнул Кутузов.— Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь поспокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой.

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимыча — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит:

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!..— опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону,— пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой: «Дите, как есть дите». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посылать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу,— говорит.— Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу,— повторил Кутузов.— Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженного роста.

Кутузов удивленно поднял глаза. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало...— Кутузов не договорил: стариковская слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай,— махнул рукой наконец Кутузов.— Быть посему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед.

Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову: «При душе — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

ТАТАРИН

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трех сосен.

Глянешь отсюда налево — речки-певуньи крутой изгиб. Глянешь направо — бежит дорога. Посмотришь вперед — поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания.

Лежат, как в строю, убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди. Разные лица: молодые и старые, тощие, полные, усатые, с пухом на месте усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты, как же им быть — татарин другой, не христьянской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы, того, не покарал бы господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой солдаты.

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе сражался. Погиб за Россию. Хоть и не христьянская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по-хрестьянски его в сторонку. Пусть остается со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился. Только хотел начинать отпевание, видит — лежит татарин.

Нахмурился батюшка.

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать,— повторил священник.

— Ваше преподобие,— полезли солдаты,— пусть остается. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекосилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел батюшка.— Христопродавцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское.

В это время холмом, мимо трех сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился:

— В чем дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чем дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь бога!..

— Ладно, ладно,— поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило.— Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

ПРОВАЛИЛАСЬ, КАК В ТОПЬ, ТИШИНА

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородино. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекие прадеды наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

Перед зарею, еще в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доезжая версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки

Горки. Он еще с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Где-то вправо уходила речка Колоча, образуя развилку с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Затем линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь верст далеко налево, где за Семеновским ручьем и селом Семеновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее ее, за селом Семеновским, были вырыты флеши — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флеши.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклая де Толли. Левый — армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьем бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь, Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом грузен. Не вернешь молодые годы.

Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Гулко отдает земля в ночной тишине. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки.

Затем он подымается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завозились на ветлах. Конь под Кутузовым дернул траву копытом, тихо заржал. Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Все светлее, светлее восток. Округа с холма словно в твоей ладони. Притихло, замерло все. Недвижимы войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули раскаты пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

ГДЕ ИСКАТЬ БАГРАТИОНА?

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона. Место здесь самое опасное. Подходы открытые. Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион,— ответил Кутузов.— Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил на левый фланг. Взять Багратионовы флеши, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

130 французских пушек открыли огонь. Три кавалерийских корпуса ринулись к флешам. Десятки пехотных полков смешались на малом месте. Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Мюрат лично ведут атаку.

— Это на одного генерала и столько-то маршалов,— шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идет атака. Страха не знают французы. Лезет на флеши вместо убитых новых героев ряд.

— Браво, браво! — кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшиты не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги. Сошлись две стены. Бьются герой с героем. Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперед. Лишь курганы растут из солдат побитых.

Не стихает у флешей бой. Солнце уже высоко. Не сдаются упрямые флеши.

Негодует Наполеон. Срывается план императорский. Посылает он двести, триста, четыреста пушек. Грозен приказ императора:

— Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

— Ну как, отступил Багратион?

— Нет, ваше величество.

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказы, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат,— любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он,— решают.

— Генерал вон там,— посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл,— слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время. Пот у коней проступает.

И лишь один офицер Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит.

Завидно другим посыльным. «Эка удачлив какой Воейков». Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто,— отвечает Воейков.— Князь Петр Иванович Багратион самолично мне в том помогает.

Обижаются офицеры. Понимают, что шутит Воейков:

— Ты головы нам не мути. Глупыми нас не считай. Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

— Секрет? Вот он, секрет,— показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В стонах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков.— Где самое жаркое место?

Нашли офицеры.

— Вон там,— тычут поспешно пальцами.

— Туда и скачите,— ответил Воейков.— Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся к новому месту. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин.— Душу вам наизнанку... Кому говорят: живей!

Дорога лежала местом недавней схватки. Спустились кони в низинку. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Слов-

но бы вовсе не люди, а кто-то кули разбросал по полю. Остановились солдаты.

— О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объехать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперед! Мертвый живого не схватит...

Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза.

Скорей бы проехать жестоким местом. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрыл Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрыгнул на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровяных подтеках. Кивер лежит в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбежал Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы,— зачастил Епифанов.— С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал.— А ну-ка выше, голову выше мне!

Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей слышит зов.

Улыбка прошла по лицу капрала:

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал.

Опешил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несется с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять-пятнадцать и вдруг, словно

дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил воин свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробьиная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утих поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем еще не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем.

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый — Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги не так устали. На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру.

Упрется Дуга:

— Да что я, дите какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат.— Я привычный. Мне на холодку даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о другом думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей,— отбивается Клим, — да что я — к откорму хряк?

— Ешь, ешь! Тебе в рост, тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на коле-

ни, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложит.— Дядька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды,— простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

Нет воды. Ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идет по солдатским рядам.

Нет нигде, как в пустыне, воды.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно током прошло по солдату. Схватил он пустую флягу, руку задрал в вышину и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады,— кричит Дуга,— дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как паролем, машет.

— Во-о-ды! — несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским понятно — неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студеной, в разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, височную часть.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где?

Из сердца достал солдатского.

ПТИЦА-СЛАВА

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать. Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица,— ответил солдат.— Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в подобное верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает. Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

В огорчении страшном Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Она и правда как птица. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат и вправду забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы стараются вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь, как устоять против конных, думает.

А кони все ближе и ближе. Растопчут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Стрельнул. А что дальше произошло, то точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице.

Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опешили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не отставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками, словно бы вилами. Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошелся вовсю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Все тише руки удар. Минута, и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Дают в разворот коней.

Казалось бы все. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И все же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья свои со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, стали возвращаться к своим.

Идут солдаты, а навстречу солдатам:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почет!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Не видят солдаты. Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

ФИЛИ

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собрались русские генералы. Идет военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать — оставить Москву. Слова такие — ножом по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу,— главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой, как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. В армии главная ценность. Главное — войско сберечь. Будет армия цела — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клок сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы. Россия ждет.

— С потерей Москвы,— тихо начал Кутузов,— еще не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибли Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох. Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю,— вновь повторил Кутузов,— отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

МОРЕМ ОГОНЬ КОЛЫШЕТСЯ

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо ее одеть. Наступила осень — о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлебом.

Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собой жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах без отказа. Напьются солдаты — идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Крестном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище. За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество,— обеспокоены французские маршалы и генералы,— опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстреее к реке...— умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице. «Это дорога в ад»,— вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню — от Москвы пепелище.

Не город в руках французов — сплошные развалины.

Хороши дела у русских войск под Тарутином. Провиан-

ты сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет?»

— Почему же мира не просят русские?!

Проходит три томительно долгих недели. Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

ТАРУТИНО

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загремели пушки. Скрестились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прапорщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнаглели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спаленный город:

— Вот она, наша страдалица...

Дождик краплет осенний. Хотя и тепло и безветренно. Где-то раздался собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех поели!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мертвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешептываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетает из города. Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они в пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат развалины. Лишь цокот от конских ног в тишине, как в гробу, отдается. Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки почти к Кремлю. Нигде не видать французов.

Попался какой-то старик.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привез согласия на мир Лористон. А тут еще бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод идет по армии. Что же, как в мышеловке, сидеть в Москве. Нет, пока есть силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень, из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой понесли долгожданную весть Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать, не жалея, Московский Кремль. К счастью, погибло немногое. Пошел дождь и загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился:

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину:

— Спасибо тебе, Тарутино!

ТИШКА И МИНЬКА

Оставив Москву, Наполеон пошел на Калугу. В Калуге — городе, войной не разоренном, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчет противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малого Ярославца разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начинают атаку русские.

Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы.

И так восемь раз. Город то и дело из рук переходит в руки.

Малоярославские мальчишки братья-двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в под-

вал. Маленькое оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишки и Миньки. Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и — снова в город. Интересно им посмотреть на взаправдашний бой.

И вот ребята стоят у оконца. Ребятам впервые — им все интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шел где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишки и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый.

Следят ребята за офицером.

— Генерал,— шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик,— поправляет братишку Тишка.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Дети!— кричит офицер.— Штык ржавеет без дела. Солдат не солдат без победы. Вперед!— И первым идет в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекает на месте боя. Смешалась воедино французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно?— спрашивает Тишка у брата.

— Нет,— отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишки дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Все стихло. Валялись убитые. А ближе всех лежал молодой офицер. Видят ребята, что офицер штыком при атаке ранен. Лежит и тихо, протяжно стонет.

Переглянулись мальчишки.

— Его бы в подвал,— произнес осторожно Тишка.

— Эге,— согласился Минька.

Однако выйти наружу они боятся. Постояли ребята и все же набрались храбрости. Крадучись вышли на улицу. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжелый,— шепчет тихонько Минька.

— Так ведь харч офицерский,— соглашается Тишка.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились все время около офицера. Воду ему на голову лили. Тишка от исподней рубашки оторвал, где почище, клок и приложил к тому месту, где на офицерском боку виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. Тут по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишка и Минька, был каменным. Уберегся он от пожарища.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише...— уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, все обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — кругом безлюдье. Нет, нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что на Калугу ему не прорваться. Впервые в своей жизни император не решился на новый бой. Отдал приказ отступить войскам.

Вылезли ребята из подвала, вышли наружу. Смотрят — в город вступают русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкин и Минькин отец идет.

Увидел он сыновей:

— Ах вы, разбойники! Ах, шелудивые!

Застыли Тишка и Минька. А отец, недолго думая, снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойники. Отец у них строгий. Другого и нечего ждать.

Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять,— полез Тишка,— а там раненый,— указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер,— прогнусавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил, кому следует. Пришли санитары, забрали полковника. А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу, и там ему вручили медаль. К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишки и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опешил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чем, что это спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, ее рубить.

— Тут вам медаль. Одна на двоих,— заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазенки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки,— заявил он сурово.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьей Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шел при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

БОЛЬШИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Еще до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов

служил у него адъютантом,— и принял его сразу и очень приветливо.

— Ну, рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет,— отвечает Давыдов.

— Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет,— отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему офицер.

— Вот какую имею мысль,— произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно,— бросает князь Петр.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так...— слушает Багратион.— Нового не открываешь.

— А новое в том,— вдруг заявил Давыдов,— что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу, как возможное.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую.— Поцеловал.— Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваша светлость,— обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым,— фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем!— И потом уже тише:— В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар? Им бы пыль по глазам начальству.

— Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным.

Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусар и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

ТУДА И ОБРАТНО

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разогнали идущую артиллерийскую часть. То схвачен курьер с бумагами очень ценными, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил, как слизнул, четырех французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил запис-

ку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова.

Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в шнурках гусарских, в гусарский шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь.

Глянул корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, кафтан крестьянский, даже кушак — крестьянский.

Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеется Давыдов:

— Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

— Васильчиков,— пискнул Васильчиков.

Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

— Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками.

— Внезапность,— отвечает Давыдов.— Какая позиция самая лучшая?— И опять отвечает:— Непрерывность в движении. В чем партизана главная сила? Бить не числом, а умением.

И вот — походы, походы, переходы, ночевки в лесах.

То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано какое дело, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога.

Непривычен к такому корнет. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки теперь и той не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

Еще в те дни, когда он исчез, в армии было целое дело.

Самовольство для офицера — серьезная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Доложили теперь о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд.— Потом подумал и строго добавил:— А за то, что вернулся, за это — вдвое.

СОЛДАТСКОЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, которые были заняты неприятелем.

Пришел драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злобой мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится. Лишь один молодой рябоватый парень пошел за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково — там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом еще двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создадут отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся. Хотели тебя проверить,— схитрили крестьяне.— Стоящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали свое согласие быть у него в отряде. Это стало началом. Вскоре из всей округи свыше четырех тысяч крестьян собралось под командованием Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты — что полковник,— смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются.

Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь. Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Эка приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Слушают звонную прелесть. Идут и не знают того, что это не просто звон — это голос для них прощальный, погребальный, выходит, звон.

Четвертаков использовал церковные перезвоны как сигналы для своих отрядов. Это не только сигналы тревоги. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел выходят уже отряды. Приказ — собраться сегодня им у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой,— куда же палить, в какую же сторону! Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью того, перелет.

Выстрел был первый, он же последний. Не успели французы сунуть новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и очень цепки. Пушка, обоз и солдаты — все через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

АРКАН

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрячутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут — не пройдет ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших. Подстерегут того, кто отстал, аркан немедля ему на шею. И сразу к себе. Кляп ему в рот, пока тот не вскрикнул. И будь тут здоров, мусье. Как карась, на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый, с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан. Полетел наездник с коня. Кляп во рту у него немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой еще пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Все ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули кляп. Решили вести в уезд, в Сычевку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли еще по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали.

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза поросячьи! Дубы неотесанны!— не утихает казак.— А это что?!— И тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно,— наконец приостыл казак.— Есть ли чарка у вас вина?

— Это найдется.

Выпил казак, тряхнул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, снова не энтого схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий.

ШАПКУ ОБ ЗЕМЛЮ

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев. Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова,— правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску.

За чаем зашел разговор. Конечно, прежде всего о войне, о французах.

— Французы народ геройский,— заявляют крестьяне.— Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

— Тут Невский еще сказал,— вспомнил безглазый,— прибудешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно!— шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Немаленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была б жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят. на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина,— отвечают крестьяне.— Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужеской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова:

— Природный начальник. Ему б в офицерах положено быть.

Потом как-то Кутузов и не заметил, разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах, и вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

— И как там с землей? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить, фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли оно не предвидится.

— И земля, как была, — у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем.

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия — Россия!

РАМА

Солдат Жорж Мишле шел в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Самим императором это обещано.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковер из памирской шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы еще, да тяжесть и так большая. «Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мир. Готов я домой к отбытию».

А русские мир не просят. Что день, то французам все хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатились французы. Дай бог унести из России ноги. Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует.

Ковер из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А раму куда? Раму надел на шею. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьет. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Рама тяжелая — полпуда в ней серебра, голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат ее казаки. Кутузов в боях добивает.

Все больше и больше отставших среди французов. Плетется, как тень, Мишле. Отстает от своих солдат. Силы его покидают. Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут, когда наступали, Мишле раздобыл ковер. Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковер.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстается с вещами Мишле. Жалко до слез добытого. Плачет Мишле. Ружье незаметно бросил, ранец откинул. Однако раму упорно тащит.

— Да брось ты проклятую раму!— кричат упрямцу товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах Мишле расстаться. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шел ради этой серебряной рамы.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбился и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

СВАДЬБА

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изба-пятистенок. Столы и лавки в длиннющий ряд. Мес-

то для плясок. Ведра с рассолом — для тех, кто начнет хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубахе небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидаль в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вокруг избы все село собралось. Буйно идет веселье. Пьют за невесту.

— За жениховье здоровье!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

Идут полноверхие чары:

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца невесты!

— За женихова родителя!

— За матерей! (И разом и по отдельности).

И вдруг:

— За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почетного места:

— Увольте, увольте! Я не жених,— и сам подымает чару.— За матушку нашу — Россию. За богатырский народ!

— За Россию!— кричат крестьяне.

Вернулся Кутузов в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье свое не беречь.— И в адрес крестьян с укоризной.— Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично,— ответил Кутузов.— К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть исконно в душе россиянина.

НОВЫЙ ПОХОД

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что летом полгода тому назад.

Идут по мосту солдаты. Только не в эту — в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжатся дудки. Знамен не колышется строй. Горстка измученных, крупица оборванных — чудом еще в живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

— Жива,— произнес седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Да, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я,— отвечает капрал.

— Значит, вырос телок в сохатого,— смеются солдаты.— Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелегок стал путь к победе. Будут ли помнить дела потомки... Немало пролито русской крови. Многих не счесть в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а!— закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

— У-у-ура!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали,— признались солдаты.— Да ведь оно же конец похода.

— Нет,— говорит Кутузов.— Вам новый еще поход.

Смутились солдаты. К чему тут фельдмаршал клонит? А сами:

— Рады стараться!— Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвел он глазами войска. И голосом зычным (куда стариковская хрипь девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России!— Кутузов приподнялся в седле.— Живые, мертвые — стройся! Героям новый поход — в века!

Красное знамя труда

В ЛЕСУ У ЕМЕЛЬЯНОВКИ

Деревня Емельяновка лежала в стороне от проезжих дорог, верстах в трех от Петербурга. За деревней — лес, сразу за лесом — берег Финского залива.

Ничем не примечательна Емельяновка: домов в ней немного, жители мирные. Никаких историй, никаких происшествий. И лес как лес, ничего в нем особенного: сосна да береза, кусты колючей малины, заросль орешника. Редко кто забредал сюда из прохожих.

И вдруг...

Крутился однажды местный мальчишка Санька Лапин около леса, глянул — два неизвестных. Прошли неизвестные полем, осмотрелись по сторонам, скрылись в орешнике.

«Кто бы это?— подумал Санька.— Парни молодые, здоровые. Вдруг как разбойники!»

Хотел было мальчишка подкрасться к орешнику, да не решился. Обошел стороной, выбежал к заливу, смотрит — у берега лодки; одна, вторая, третья... Из лодок выходят люди, тоже озираются по сторонам и направляются к лесу.

Бросился Санька назад в деревню, к дружку своему Пашке Дударову.

— Паш, Паш,— зашептал он.— Люди, человек двести!

— Брось врать!

— Не сойти с места.

Побежали приятели к заливу. Смотрит Пашка — действительно лодки!

Помчались в лес. Идут осторожно, крадучись. От куста к кусту пробираются. Вышли к поляне — народу! Стоят полукругом. В центре — плечистый рабочий. Развернул красное знамя. Заговорил.

Обомлели ребята, залегли за кустом, притихли.

— Сегодня мы, петроградские рабочие, собрались сюда...— долетают до Саньки и Пашки слова оратора.— Нас мало сегодня, но близок час народного пробуждения...

Выступающий говорил долго, а кончил словами:

— Да здравствует наш пролетарский праздник!

Санька толкнул Пашку:

— Про что это он?

Пашка пожал плечами.

Вслед за первым рабочим выступил второй, затем третий, четвертый.

Все говорили о тяжелой доле трудящихся, о том, что надо бороться за лучшую жизнь, и снова о празднике.

Два часа под кустом пролежали ребята. Сходка окончилась. Рабочие начали расходиться небольшими группами. Переждав немного, поднялись и мальчишки. Идут, гадают: что же такое было в лесу, о каком это празднике говорили рабочие?

Вернулись ребята в Емельяновку, решили разузнать у старших.

Полез Санька к отцу, рассказал про сходку, про знамя.

— А вы не придумали? — усомнился отец.

— «Придумали»! Мы же видели. Мы под кустами лежали.

Пожал Санькин отец плечами. Ничего объяснить не смог.

Расспрашивали ребята у матерей, к тетке Марье ходили, к дяде Егору бегали. Да только никто ничего не знал о рабочем празднике.

Помчались ребята к деду Онучкину. Он самый старый, уж он-то, наверное, знает. Онучкин принялся объяснять, что праздники бывают разные: рождество, пасха, день рождения царя, день рождения царицы...

— Не то, не то! — перебивают ребята.

— Есть еще сретенье, крещение, троицын день.

— Ты давай про рабочий праздник! — кричат ребята.

— Про рабочий? — Старик задумался. Почесал затылок. Развел руками. Не слыхал он о таком празднике.

Так ничего и не узнали приятели.

А происходило в лесу у деревни Емельяновки вот что: русские рабочие впервые отмечали Первое мая. Было это давно, в 1891 году.

Только о том, что́ же это за праздник Первое мая и почему его отмечают, Санька и Пашка узнали не скоро — много лет спустя, когда уже выросли, когда сами стали рабочими.

ОТПЕВАНИЕ

Запрещалось рабочим праздновать Первое мая. Нельзя им было в этот день собираться большими группами, устраивать митинги и демонстрации.

Приходилось рабочим идти на разные хитрости. Рабочие одной из московских окраин решили собраться на кладбище.

Сколотили гроб. Наняли батюшку. Шесть человек подняли гроб на руки. Остальные пристроились сзади. Процессия двинулась к кладбищу. Впереди шел батюшка и важно махал кадилом.

Теперь уже никто не мог разогнать рабочих. Даже городовые почтительно уступали дорогу.

В кладбищенской церкви «покойника» отпели. Батюшка махал кадилом и тянул:

— За упокой души раба божьего... Как звать? — спрашивал у рабочих.

— Николаем.

— За упокой души раба божьего Николая,— выводил батюшка.

Кончив отпевание и получив пять рублей по договоренности, батюшка удалился. А рабочие собрались в самом дальнем конце кладбища и провели митинг. Спели вполголоса революционные песни, прочитали первомайские прокламации.

Вечером кладбищенский сторож Тятькин, обходя могилы, наткнулся на незарытый гроб. Удивился Тятькин, приподнял крышку, глянул, а там такое, о чем и подумать страшно.

Сторож бросился к участковому надзирателю.

— Ну что тебе?

— Гроб, ваше благородие.

— Ну и что?

— Там в том гробу...— Тятькин стал заикаться.

— Ну, так что же в гробу?

— Его императорское величество, царь-государь Николай Второй,— проговорил Тятькин.

— Ты что, сдурел?!

— Никак нет,— крестился кладбищенский сторож.— Сам государь-император, изволю вам доложить.

Надзиратель пошел на кладбище. Заглянул в гроб, а в нем действительно, ну правда, не сам император Николай Второй, а царский портрет: при орденах, во весь рост, в военном мундире.

Началось следствие.

Тятькин ничего нового сообщить не мог.

Взялись за батюшку.

— Отпевал? — допытывался надзиратель.

— Отпевал.

— Кого отпевал?

— Раба божьего Николая.

— Идиот!— закричал надзиратель.

Батюшка долго не мог понять, за что такие слова и за какие такие провинности его, духовную особу, и вдруг притащили в участок.

А узнав, затрясся, как осиновый лист. Трясется, крестится, выпученными глазами моргает.

— Кто был на сходке?— не отстает надзиратель.

Старается батюшка вспомнить. Не может.

— Разные,— говорит,— были. Человек сорок. И высокого роста и низкого. И молодые и старые. Аллилуйя еще кто-то здорово пел.

— «Аллилуйя!» — передразнил надзиратель.— Ну, а кто нанимал? Кто деньги платил?

— Плечистый такой,— оживился батюшка.— С усами. Руки еще в мозолях.

Стали искать. Да только мало ли среди рабочих широкоплечих да с усами. А руки в мозолях у каждого. Так и не нашли.

Обругал еще раз надзиратель Тятькина и батюшку. На этом дело и кончилось.

Рабочие были довольны. Шутка ли сказать — и Первое мая отметили, и самому царю устроили отпевание.

ГРИША ЛОЗНЯК

Гриша Лозняк отбывал заключение в одиночной камере. Худ. Ростом мал. В плечах узок. Глянешь — ничего в нем особенного. Да и нраву Гриша был скромного. Ссор с надсмотрщиками не заводил. Тюремных правил не нарушал. Во время прогулок не разговаривал. Смотрели на него надзиратели и думали: «По глупости небось угодил парень, по недоразумению».

Раз в неделю приходила сестра, приносила передачу — всегда одно и то же: буханку хлеба, бутылку молока и четверть фунта дешевых конфет, но непременно в бумажках.

Звали ее Лизой. Была она под стать брату: худенькая и маленькая, совсем девочка.

Лиза терпеливо дожидалась своей очереди, робко протягивала корзину и уходила.

— Видать, пугливая,— говорили охранники.

Только все было не так.

Гриша сидел не случайно. Был он членом большевист-

ской партии, печатником и арестовали его при разгроме подпольной типографии.

И Лиза была вовсе не сестрой Лозняка. Она тоже состояла в большевистской партии и выполняла партийное поручение. Да и хлеб, молоко и конфеты приносила она неспроста. В конфетные обертки вкладывались письма от товарищей с воли. Сидел Гриша в тюрьме, а был в курсе всех новостей и событий.

Из хлеба Гриша делал чернильницы, наливал в них молоко и молоком писал ответы товарищам. А если к Гришиной камере приближались охранники, он проглатывал и «чернила» и «чернильницу». Вы, наверное, знаете, что так писал письма из тюрьмы Владимир Ильич Ленин.

Приближалось Первое мая.

Гриша не раз принимал участие в первомайских маевках. Решил он и в тюрьме отметить рабочий праздник. Сообщил об этом соседям — заключенным, сидящим в других камерах. Сообщил стуком — специальным шифром. Вначале постучал в стену направо, потом в стену налево. Товарищи поняли, поддержали, в свою очередь сообщили соседям.

Вскоре о предложении Гриши Лозняка знали все политические.

И уже на следующий день стали в тюрьму поступать лоскутки красной материи: одному — запеченные в хлебе, другому — в пироге вместо начинки, третьему — засунутые в корешок книги.

Во время прогулок заключенные незаметно передавали лоскутки Грише, а он по ночам шил из них красное знамя.

И вот наступило Первое мая. Как и обычно, утром заключенных вывели на прогулку. Тюремный двор небольшой. Ходят они цепочкой по кругу. Десять кругов — тридцать минут. Тридцать минут — вот и вся прогулка.

Прошли заключенные круг, прошли два, и вдруг взвилось над арестантами знамя. Затрепетало в воздухе алым полотнищем. Потянулось к небу и к солнцу.

> Смело, друзья! Не теряйте
> Бодрость в неравном бою, —

запел Гриша Лозняк.

> Родину-мать защищайте,
> Честь и свободу свою! —

подхватили другие.

Забегали, заволновались охранники.

— Молчать!— кричат.— Молчать!
Не слушают заключенные:

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем!..

Приехал начальник тюрьмы. Окружили охранники со всех сторон заключенных, избили прикладами, погнали в вонючие подземные карцеры.

Две недели отбыли демонстранты в карцере. А потом разослали их по другим городам, в разные тюрьмы. Был отправлен и Гриша Лозняк.

Привезли его в новую тюрьму, посадили в одиночную камеру.

Прошла неделя, и снова у Гриши появились «чернильница» и «чернила», снова он стал получать письма от товарищей с воли...

Худ Гриша. Ростом мал. Скромен. Глянешь — ничего в нем особенного...

ПУШКА

Утром Первого мая жандармскому полковнику Голове-Качанову вручили письмо. Распечатал — в конверте листовка: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!»

Побледнел Голова-Качанов, схватил листок, понесся в жандармское управление. Собрал подчиненных. Выяснилось: такие же письма получили и ротмистр Галкин, и поручик Кутейкин, и жандармские приставы Тупиков и Носорогов, и другие жандармы. А вскоре к Голове-Качанову в управление начались телефонные звонки от разных именитых граждан: от фабриканта Рублева, купца Собакина, отставного генерала Атакина и от других. И им, оказывается, пришли такие же письма.

Схватился Голова-Качанов за голову. А тут еще ко всему жандармский пристав Носорогов возьми и скажи:

— Ваше высокородие, никак мастеровые бунт задумали?

— По местам!— закричал Голова-Качанов.— Пулеметы на улицу! Пушку!

Бросились жандармы исполнять приказ. Расставили на уличных перекрестках пулеметы. А около жандармского

управления поставили пушку. Носятся по городу полицейские, шпики. Однако в городе спокойно — никаких беспорядков. Только около пушки, что поставлена возле жандармского управления, крутятся мальчишки. Интересно ребятам. Многие пушку впервые видят. Все норовят подойти поближе. Самые смелые даже колеса, ствол трогают.

— Но, но!— покрикивает на ребят солдат.

Отойдут мальчишки, а потом опять за свое.

— Стрельни,— просят солдата.

К середине дня полковник Голова-Качанов успокоился. Повеселел. Но тут вбегает в управление пристав Носорогов и показывает полковнику бумагу.

— Ва-а... ва-а,— заикается,— ва-а-ше высокородие, извольте взглянуть. Только что содрал с пушки.

Глянул полковник — листовка: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!»

Опять побелел Голова-Качанов. Опять схватился за голову. А Носорогов снова свое:

— Ваше высокородие, не иначе, быть восстанию.

И снова забегали по городу жандармы и шпики. Приготовились пулеметчики. А Голова-Качанов приказал из пушки через каждый час стрелять холостым зарядом. Для острастки, чтобы все знали, что власть начеку.

То и дело к полковнику являются жандармские приставы и офицеры, докладывают, везде ли спокойно.

Пришел пристав Тупиков:

— Ваше высокородие, все в полном порядке.

— Молодец. Ступай.

Прибыл поручик Кутейкин:

— Ваше высокородие, все в полном порядке.

— Молодец. Ступай.

Прибыл и Носорогов:

— Ваше высокородие, никаких нарушений не обнаружено. Все в полном порядке.

— Молодец. Ступай.

Повернулся Носорогов, а сзади у него во всю жандармскую спину листовка: «Да здравствует Первое мая! Долой самодержавие!»

— Идиот!— взревел Голова-Качанов.— Под арест! На гауптвахту!

И снова по городу забегали жандармы и шпики. Снова залегли полицейские за пулеметы. Снова ударила пушка.

А тем временем рабочие собрались в загородной роще и спокойно отпраздновали Первое мая.

БУДУТ — НЕ БУДУТ

В середине апреля на завод Полисадова приехала группа бельгийских рабочих. Привезли из Бельгии станки для завода. Вот и прибыли бельгийцы их устанавливать.

Приближалось Первое мая. Русские рабочие договорились в этот день на работу не выходить. Стали думать: а как же бельгийцы?

Одни говорят:

— Будут бельгийцы работать.

— Нет, не будут,— возражают другие.

О том же заспорили и заводские ребята. Колька Зудов за то, что бельгийцы будут работать, Ленька Косичкин, наоборот,— не будут.

— Не наших они кровей, не поддержат бельгийцы русских,— заявляет Колька.

— А вот и поддержат,— упирается Ленька.

Спорили, спорили, наконец решили: десять щелчков тому, кто проиграет.

В ночь под Первое мая Ленька спал плохо. А что, если Колька прав и бельгийцы приступят к работе? Пальцы у Кольки крепкие — влупит, так будь здоров.

И Кольке не спалось. А ну как прав Ленька! И хотя Колька щелчков не очень боялся, да неловко будет перед ребятами. Колька любил всегда быть правым.

На следующий день ранним утром помчались ребята к заводу. Были здесь и Колька, и Ленька, и Ленькина сестра — рыжая Катька, и еще человек десять. Интересно ребятам: чем же закончится спор?

В семь часов около заводских ворот появились бельгийцы. Вначале группкой в пять человек, потом еще пять, за ними и остальные.

Пересчитали ребята: все тут — двадцать один человек.

— Ну, говорил я?— торжествующе закричал Колька.

— Говорил.

— Подставляй лоб.

Спустились ребята в овражек, укрылись от ветра, засучил Колька рукав.

— Раз,— отсчитывает Колька,— два, три, четыре...

Бьет крепко. Морщится Ленька, язык прикусил от боли.

— Пять, шесть...

Крепится Ленька, а слезы сами из глаз выступают.

— Семь, восемь, девять, десять.

Только ударил Колька десятый раз, как смотрит —

мчится сверху Ленькина сестра, рыжая Катька, кричит:
— Ушли бельгийцы, ушли с завода!
— Как — ушли?!
— А вот так и ушли!
Поднялись ребята из овражка, смотрят — и правда уходят бельгийцы. Впереди пять человек. За ними еще пять. Следом и остальные. Пересчитали ребята: все тут — двадцать один человек.
Ленька с кулаками на Кольку:
— Говорил я, говорил! Подставляй лоб.
— С какой же это стати,— стал возражать Колька.— Может, они снова вернутся.
Тут за Леньку вступились ребята:
— Не вернутся они. Не вернутся. Увидели, что наших нет, вот и ушли.
— Подставляй лоб!— опять потребовал Ленька.
Смирился Колька, подставил...
Возвращались мальчишки домой с распухшими лбами. В поселке встретили отцов.
— Кто же это тебя?— спросил Колькин отец у сына.
— Ну и ну,— подивился Ленькин отец.
— Это из-за бельгийцев,— вылезла рыжая Катька.
— Как — из-за бельгийцев?
Рассказала девчонка в чем дело.
Рассмеялись рабочие.
— Говорите, не наших кровей. Вот и неверно. Кровь-то у нас пролетарская. Дело-то общее.

НОВАЯ РУБАХА

Пообещал отец к маю Николке новую рубаху купить.
Соберутся, бывало, вечером мать, отец и Николкина сестра, Клава, заведут разговор о рубахе.
— Лучше белую, с пояском, навыпуск,— скажет Клава
— Не настираешься. Надо темную, синюю,— заявит мать.
— Зачем же синюю,— возражает отец.— Мы ему купим красную, яркую, в маковый цвет.
Замирает сердце у Николки, глаза разгораются.
— Так какую тебе рубаху?— спрашивает отец.
— Мне бы с карманом, красную.
Расхвастался Николка про рубаху дружкам и приятелям. Стали и ребята спорить, какую ему рубаху купить.

— Пусть лучше матроску,— заявляет Зойка Носкова.

— С вышитым воротом выбирай,— советует Пашка Солдатов.

— Ш пуговкой, ш пуговкой на груди,— шепелявит Кузя Водичкин.

Бегает Николка среди заводских бараков, кого ни увидит — про рубаху рассказывает.

Повстречал рабочего Степана Широкого:

— А мне рубаху новую купят!

— Да ну?!

— Ей-ей!

Увидел слесаря Тихона Громова:

— А мне отец к маю рубаху обещал!

— Ты смотри! Добрый, выходит, отец.

— Добрый,— смеется Николка.

Встретил старика токаря Кашкина:

— Мне на май папка рубаху купит!

— Скажи на милость!

— Новую. С карманом. С пуговкой на груди. В маковый цвет,— хвастает мальчик.

Через несколько дней во всем поселке не было человека, который бы не знал про рубаху.

Уехал Николкин отец по делам в город Иваново.

— Ну, Николка,— прощаясь, сказал отец,— слушайся мать. Будет тебе рубаха.

Уехал отец и не вернулся. Случилась беда. Задержали в Иванове Николкиного отца жандармы, арестовали.

Опустело, изменилось в доме у Николки.

— Мам, мам,— пристает Николка.— А чего же папка не едет?

Прижмет к себе мать Николку, молчит.

Расплачется Николка.

— Тихо, тихо,— успокаивает братишку Клава.— Папка скоро вернется. Папка нас не забудет.

Незадолго до Первого мая рабочие устроили сходку. Заговорили о празднике, о рабочей выручке и солидарности. Были здесь и старик Кашкин, и слесарь Тихон Громов, и Степан Широков, и другие рабочие. Вспомнили товарищи о Николкином отце, вспомнили и о том, что пообещал отец к маю рубаху сыну.

— Купим ему рубаху,— решили рабочие.

Наступило Первое мая. Проснулся Николка и не поверил своим глазам: рядом на стуле — рубаха. Новая. С карманом. С пуговкой на груди. В маковый цвет.

— Папка, папка приехал!— закричал Николка.

Подошла мать. Не знает, что и сказать.

— Нет, не приехал папка,— ответила.— Не скоро приедет.

Смотрит Николка на мать, соображает: откуда тогда рубаха?

— Знаю, знаю!— закричал.— Папка прислал!

Мать глянула на сына. Думает, рассказать или нет про рубаху? Мал Николка. Глуп. Где ему понять про рабочую солидарность. Решила смолчать.

Надел Николка новую рубаху, помчался на улицу, кого не увидит — хвастает.

Повстречал рабочего парня Степана Широкого:

— А мне папка рубаху прислал!

— Да ну?!— удивился парень.

— Прислал, прислал. Не забыл!— закричал Николка и помчался дальше.

Увидел слесаря Тихона Громова:

— А мне папка рубаху прислал!

— Ты смотри,— улыбается Громов.— Добрый, выходит, отец, вспомнил.

— Добрый, добрый!— смеется Николка.— Добрый!

Догнал старика токаря Кашкина:

— А мне папка рубаху прислал!

— Скажи-ка на милость,— говорит Кашкин.— И правда. Ну и рубаха!

— Новая, новая,— не умолкает Николка.— И про карман не забыл, и про пуговку, и про маковый цвет.

Прижал к себе Кашкин Николку, гладит по голове, а у самого на глазах слезы.

Поднял Николка голову:

— А ты чего плачешь?

— Это я так,— засмущался старик.— Беги. Играй. Май нынче... Рабочий праздник.

УПРЯМАЯ ЛЬДИНА

Весна в этот год задержалась. Река набухла. Но лед не тронулся. Река взломала лед в ночь под самое Первое мая.

С утра на набережной собрался народ.

Одна за одной шли по реке огромные льдины, скрежетали, кружились, становились ребром и, поднимаясь тысячами брызг, снова ложились на воду.

Стоят люди — любуются.

Здесь же, у самой реки, нес свое дежурство и урядник Охапкин. Видит урядник, что собралось много народу, думает: «Ой, как бы беды не вышло. Первое мая. Как бы мастеровые чего не устроили».

Только подумал, как вдруг из-за поворота реки выплывает огромная льдина. Смотрит Охапкин и не верит своим глазам: на льдине красное знамя!

Повалил народ к самому берегу.

— Ура!— раздалось за спиной у Охапкина.— Да здравствует Первое мая!

Урядник растерялся. Схватил свисток. То в сторону толпы свистнет, то повернется и свистнет в сторону льдины.

Смеется народ. Стоит. Не расходится.

— Осади! Осади! Не толпись!— надрывает глотку Охапкин.

А льдина тем временем подплывает все ближе и ближе. Словно нарочно, направляется к самому берегу. Трепещется по ветру красное знамя.

Заметался урядник из стороны в сторону, что придумать, не знает. Остановился, набрал в грудь побольше воздуху и снова давай свистеть.

Свистит, а льдина уже и вовсе приблизилась к берегу, задержалась рядом с Охапкиным, стоит, упрямая, дразнится.

Разгорячился урядник, думает: «А что, если прыгнуть на льдину, содрать знамя, и делу конец?»

— Прыгай!— кто-то выкрикнул из толпы.

Охапкин и прыгнул. Прыгнул, а льдина словно только этого и дожидалась. Раз — и от берега.

— Караул!— завопил урядник.— Спасите!

Мечется Охапкин по льдине, забыл про свисток и про знамя, фуражка сползла на затылок, машет руками, молит о помощи. Только кому же охота ради урядника лезть в студеную воду?

— Поклон Каспийскому морю!— кричат ему.

— Счастливого плавания!

— С майским приветом!

Ударилась льдина о льдину, не удержался урядник, бухнулся в воду.

— Спаси-и-те!— еще раз крикнул Охапкин и камнем пошел ко дну.

Отделилась от толпы группа молодых парней. Бросились в воду. Вытащили перепуганного Охапкина на берег.

Стоит урядник, побелел, посинел, трясется, под общий смех крестится.

А льдина тем временем отплыла к середине реки, развернулась и пошла себе вниз по течению. Затрепетало, заиграло в весеннем воздухе красное знамя.

— Да здравствует Первое мая!— раздается над берегом.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА

Май встречали вместе, сразу тремя заводами.

Двинулись рабочие с Нагорной, с Литейной, с Маршевой и других улиц плотными колоннами в центр города.

С утра к своему заводу отправился и Гошкин отец.

— И я с тобой,— пристал было Гошка.

— Мал еще,— усмехнулся отец.— Сиди дома.

— Я тоже хочу,— упирается Гошка.— Я вот чего смастерил,— и показывает красный флажок.

— Дельный флажок,— похвалил отец, однако сына с собой не взял.

Остался Гошка. Покрутился он в комнате, сунул незаметно флажок за пазуху, направился к двери.

— Ты куда? — насторожилась мать.

— К Ваньке Серегину.

Выбежал Гошка во двор, сделал вид, что направляется к Ване Серегину, а сам — вокруг дома и ветром помчался на Нагорную.

Прибежал на Нагорную — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Переждал Гошка, пока прошли рабочие, пристроился сзади. Только полез за пазуху за флажком, как вдруг:

— Домой! Марш! К мамке!— закричал какой-то рабочий.

— Так я с вами. Я Май встречаю.

— А ну-ка живо. Немедля!

Пришлось убираться.

Постоял Гошка, подумал, помчался на Литейную. Прибежал на Литейную — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Пристроился Гошка к рабочим. Только полез за флажком, как вдруг:

— Ну, а ты зачем здесь?!

— Да я...

— Уши нарву. Домой!

Отстал Гошка. Постоял, подумал, помчался на Маршевую.

Прибежал — народу! Идет по улице колонна рабочих. Впереди над головами — красное знамя.

Подошел Гошка к рабочим, схитрил:

— Я к папке, к папке. Меня мамка послала. Мне нужно. Он впереди.

Раздвинулись рабочие, уступили дорогу Гошке. Добрался он до самого первого ряда. Перевел дух, глянул — а рядом и вправду отец. Идет, красное знамя держит в руках.

Хотел Гошка незаметно юркнуть назад, да поздно.

— А ну-ка ступай сюда,— поманил отец.

Подошел Гошка.

— Тебе что ж, ни мать, ни отец не указ?

— Так я же, как все. Я тоже хочу. Я же вот чего смастерил,— вытаскивает Гошка из-за пазухи красный флажок.

Улыбнулся отец, доволен сыном. Засмеялись другие рабочие.

— Ты смотри — знамя!

— Настоящее!

— Красное!

Глянул отец на свое большое красное знамя, посмотрел на Гошкин флажок, опять улыбнулся, потрепал сына по голове:

— Ну, а теперь ступай к мамке.

— Да я...

Гошка не договорил. Из переулка наперерез демонстрантам выскочили солдаты с винтовками.

— Стой! — закричал офицер рабочим.— Стой!

Замедлили демонстранты шаг, остановились.

— Разойдись!

Сдвинули рабочие теснее ряды, окружили Гошкиного отца и знамя.

— В ружье!— скомандовал офицер.

Солдаты вскинули ружья.

— Сынок...— зашептал отец Гошке.— Сынок, беги!

Гошка не двинулся.

— Кому говорят, беги!— закричал отец. Он с силой оттолкнул мальчика.

Отлетел Гошка к самому тротуару. Стоит. Маленький. Глазенками хлопает. То на солдат, то на рабочих смотрит. Видит: поднял офицер руку. Прижали солдаты к плечам винтовки. Секунда — и стрельнут.

И вдруг:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе, —

запел Гошкин отец. Взмахнул он красным знаменем, и в тот же миг, в один шаг, словно один человек, рабочие двинулись навстречу солдатам.

— Пли! — прохрипел офицер.

— Папка! Папка! — закричал Гошка и бросился к демонстрантам. Подбежал, уткнулся в отцовские брюки. — Папка! Па-а-пка!

Наклонился отец, подхватил Гошку и посадил к себе на плечи.

Глянул мальчик: уступают солдаты дорогу рабочим, опустили ружья, сошли с мостовой.

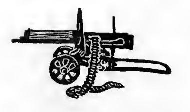
— Пли! Пли! — хрипел офицер.

Да только никто офицера не слушал.

Улыбнулся Гошка, приветливо замахал красным флажком солдатам.

Прошли рабочие по Маршевой улице, повстречали тех, кто шел по Нагорной, кто шел по Литейной, кто шел по другим улицам и площадям города. Стало людей многопремного. Заколыхалось не одно и не два знамени. Десятки красных знамен полощутся в майском небе. Гремит, не умолкает над городом песня:

Свергнем могучей рукою
Гнет вековой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Царя скинули

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Здесь Данилка родился, вырос и всех жильцов знал наперечет и в лицо.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Еще этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, важных чинов и званий.

Много разного было за последние дни, с той поры, как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принес Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

—Ну,— сказал,— отныне ты — гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики, не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник?

— Важнее,— улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше ,чем князь?

— Выше, выше,— смеется отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к дружкам своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я — гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое, высокое, важное, важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома. Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него — Данилку. Кто бы это мог Ленину рассказать?! Думает и вдруг видит, мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевел дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я?! Я — гражданин Российской республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин,— произнес он с насмешкой.— Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя,— присвистнул Кирюха.— Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и в переносицу — раз!

Началась драка.

— Я гражданин...— пытается перекричать Данилка Кирюху.

— Нет, я гражданин...— вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и рознял ребят. Те долго молчали, не говорили в чем дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов» — прочли они заголовок.

Далее шло о том, что всякие важные звания, чины и титулы отныне и навсегда отменяются. Не будет больше ни дворян, ни купцов, ни тайных советников, ни статских, ни князей, ни графов. «Устанавливается одно, общее для всего населения России название — Гражданин Российской республики»,— сообщалось в декрете.

Внизу была подпись:

Председатель Совета Народных Комиссаров

Вл. Ульянов (Ленин).

— Так что, выходит, оба вы правы,— заявил парень.— И ты гражданин Российской республики,— показал он на Данилку,— и ты,— показал на Кирюху,— и я — все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей — всех вспомнил.

Зато что касается графини Щербацкой, князя Пирогова-Пищаева, тайного советника Горохова и статского советника Ардатова, то, видимо, ленинский декрет им не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо. Ну и скатер-

тью дорога. Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец,— рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

ПОНИМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Еремка Быков ворочался с боку на бок. Тесно, душно на печке.

Вот и отцу не спится, да разве уснешь. Утром, чуть свет, предстоит раздел господской земли. Не каждый день такое случается.

— Да спите вы,— ругнулась снизу с лежанки мать.

Притихли отец и Еремка.

Прошло минут тридцать. Хоть лопни, не жалует сон.

Подтянулся отец к печному обрезу:

— Пойду-ка, пройдусь по воле.

— И я с тобой,— напросился Еремка.

— Хорошо, собирайся.

— У, неспокойные ваши души,— опять проворчала мать.

Ругается, а ведь сама тоже чего-то не спит. Тоже небось про землю-землицу думает.

Вышли отец и Еремка на улицу. Прошлись вдоль села, миновали околицу, мостком перешли через речку, поднялись на бугор — вот оно барское поле.

Пробрала ночная прохлада. Ветер то сорвется, то стихнет. Звезды мерцают. Месяц тучки рогами порет. Где-то пискнула мышь-полевка. Собака в селе за околицей тявкнула.

Смотрит Еремкин отец на поле, слезой глаза наполняются.

— Чего ты, тять?— дернул Еремка отца за руку.

— Так, ничего,— отозвался отец. Провел по глазам ладонью.— Все о нем, о человеке хорошем думаю.

— О том, что декрет подписал, об Ульянове-Ленине? Добрый, видать.

— Слово, Еремка, не то. Понимающий он человек. Нельзя без земли крестьянину. Спасибо мужицкое Ленину.

Постояли они, посмотрели на поле, надышались свежего воздуха, вернулись домой.

Залез Еремка снова на печку. «Эх, не проспать бы, не проспать бы дележ земли. Самое интересное не проворонить».

Лег он и сразу уснул.

И вот приснился Еремке удивительный сон. Будто бы сам Ленин приехал к ним делить господскую землю. Ходит Ленин по полю. В руках сажень-двунога для замера земли. Заметил Ленин Еремку:

— Будешь моим помощником. Говори, с кого начинать, сколько у кого едоков, сколько кому земли.

С кого начинать? Конечно, с него, с Еремки.

Притихли отец и Еремка.

— Э, нет,— отвечает Ленин.— Тебе, как делящему, в последнюю очередь.

Поделили они господскую землю, никого не обидели. Вот и Еремкин приходит черед.

На этом мальчик проснулся. Смотрит — солнце высоко. Ни отца, ни матери дома нет.

«Так это же сон привидился,— понимает Еремка.— Проспал, проспал. Надо быстрее на поле. А как же со сном, как же с землей для него, для Еремки? Эх, оборвалось на самом значительном месте».

Закрыл опять Еремка глаза. Интересно, какой же ему участок? Вот бы тот, что у реки, на пригорке, у старых берез. Посеет Еремка горох — летом дружков угощать станет. Только закрыл глаза, как скрипнула дверь. Являются отец и мать:

— Просыпайся, вставай, Еремка!

Обидно Еремке: и раздел барской земли проспал, и сон не довидел. Встал он. Радости нет.

— Да что ты, Еремка?

Ничего не ответил мальчик. Оделся, вышел на улицу. Обступили его ребята, озоруют, смеются.

— Соня, соня!..

— Проспал.

— Главного не увидел!

Еще обиднее стало Еремке. Смотрит он на ребят и вдруг:

— А я Ленина, Ленина видел. Ленин к нам приезжал.

Поразевали ребята рты.

— Приезжал, приезжал,— уверяет Еремка.— С саженью ходил. А я у него был в помощниках.

— Э, да это тебе приснилось.

— А вот и не приснилось. Не приснилось. Так оно было на самом деле.

Подошел в это время к ребятам старик Прозоров.

Еремка к деду:

— Видел я Ленина. Видел, Ленин землю делил.

Хихикнули снова ребята. Мол, смотри, дед, Еремка какой брехливый.

Однако дед постоял, подумал, строго глянул на крикунов и вдруг поддержал Еремку.

— А как же, был Ленин. Присутствовал. Не ошибся Еремка.

Удивились ребята.

— Так мы почему не видели?!

— Плохо смотрели. Без понимания. Вот и не видели,— ответил старик.

ШКУРИН И ХАПУРИН

Жили-были Шкурин и Хапурин. У каждого по заводу. У Шкурина — гвоздильный. У Хапурина — мыловаренный.

Друзьями они считались, приятелями. Оба богатые. Оба жадные. Оба на чужое добро завидущие.

Вот и казалось все время Шкурину, что доход у Хапурина с мыла куда больше, чем у него, Шкурина, с гвоздей. А Хапурину наоборот.

— Эх, кабы мне да шкуринские гвозди,— вздыхал Хапурин.

— Эх, если бы мне да хапуринское мыло,— мечтал Шкурин.

Встретятся они, заведут разговор.

— К тебе, Сил Силыч,— произнес Шкурин,— денежки с мыла золотым дождем сыплются.

— Не говори, не говори,— ответит Хапурин.— Это у тебя, Тит Титыч, от гвоздей мошна раздувается.

Разъедает их зависть друг к другу — хоть бери и меняйся заводами. Начнут они говорить про обмен. На словах — да на деле — пугаются.

А вдруг прогадаешь.

Пока они думали и решали, наступил 1917 год. Стали земля, фабрики и заводы переходить в руки трудового народа.

Забегали Шкурин и Хапурин.

— Ох, ох!

— Ах, ах!

Чувствуют, что скоро очередь и до них дойдет. Только вот не знают, какой завод будут раньше национализировать. Хапурину кажется, что его — мыловаренный. Шкурину, что его — гвоздильный.

Сидят они, мучаются, гадают. И снова мысль об обмене приходит в голову и одному и другому. И снова боязно, страшно.

— Ой, обманет, обманет меня Хапурин!

— Перехитрит, разорит меня Шкурин!

Прошло какое-то время, и вот приносят Шкурину пакет из губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Распечатал Шкурин пакет, вынул бумагу — в глазах потемнело. Так и есть: черным по белому значится — национализировать гвоздильный завод.

— Матушка, царица небесная, пресвятая богородица! — взмолился Шкурин.— За что? За какие грехи?! За что же меня? Почему не Хапурина?!

Бьет он перед образами земные поклоны, а сам думает: «А что, если немедля бежать к Хапурину и, пока тот ничего не знает, уговорить на обмен».

Однако и Хапурин в этот день получил точь-в-точь такую бумагу. И он стал отбивать земные поклоны царице небесной. Отбивает, а сам думает: «А что, если скорее к Шкурину...»

Прекратили они земные поклоны, помчались друг к другу. Повстречались на полпути. Второпях чуть не сбили один другого. Остановились, тяжело дышат.

— А я к тебе, милейший Сил Силыч,— наконец произнес Шкурин.

— А я к тебе, дорогой Тит Титыч,— проговорил Хапурин.

— Давай меняться заводами.

— Давай.

Поменялись они заводами. Довольны друзья-приятели.

«Здорово я его,— рассуждает Шкурин.— Хе-хе».

«Хе-хе,— посмеивается Хапурин.— Попался голубчик».

Идут они важно по городу. Задрали вверх свои головы. Вошли в заводские конторы. А там уже новый, законный хозяин — рабочий класс.

— Привет вам, Шкурин! Привет вам, Хапурин! Приехали — слазьте. Кончилась ваша власть!

НОВАЯ ШКОЛА

До Великой Октябрьской революции городская школа называлась гимназией. Ходят в гимназию дети.

У Кирилла отец помещик. У Павла важный царский чи-

новник. Генерал у Наталии, фабрикант у Розалии. У тупицы Модеста отец жандрам.

А вот и Сорокин Петя. Нелегкая жизнь у Пети. Прачка у мальчика мать.

В гимназию Петя не ходит. Учение дорого стоит. Где же денег найти для гимназии?

С утра и до вечера мать стоит у корыта. Стирает, стирает, стирает. Руки до крови трет. Стирает она для Наталии, стирает она для Розалии. Для Кирилла и Павла, для Модеста и всех богатеев спину до боли гнет.

Сын помогает матери. Воду приносит, воду выносит. Колет дрова. В мозолях у Пети руки.

А потом мальчик бежит к клиентам, доставляет белье заказчикам. Бежит к фабриканту, бежит к генералу, к чиновнику важному, к жандарму, к помещику, в другие дома несется.

Презирают Петю богатые дети.

— Хи-хи,— завидя Петю, хихикнет Наталия.

— Хи-хи,— поддержит ее Розалия.

— Хо-хо,— рожи состроят Кирилл и Павел.

— Прачка, смотрите, прачка идет,— тупица Модест зальется.

Не сдержался однажды Петя. Больно побил Модеста. Кончилось тем, что только хуже себе и сделал. Модест рассказал отцу. Отказала семья жандарма в работе Петиной маме.

Очень хочется Пете пойти учиться. Да где же ему учиться. Прачка у Пети мать.

Так бы и остался Петя, как много других, безграмотным. Но тут — революция!

Прогнали фабрикантов, прогнали помещиков. Кончилась власть богачей.

И вот нет уже больше Наталии, нет уже больше Розалии. Кирилла и Павла нет. И где тупица Модест, никому не известно.

Все изменилось. Да и гимназии больше нет. Вместо гимназии нынче школа. Новые дети идут на урок.

У Васи Лотанова папа рабочий. У Толи — советский служащий. Плотник — у Оли, грузчик — у Поли. У Гриши отец кочегар.

А вот и Сорокин Петя. Вместе со всеми он в школу сегодня идет.

В новую школу, в бесплатную школу, в советскую школу дети идут гурьбой.

АРТЕЛЬ

Самая дальняя даль России — берег Охотского моря. Тихий или Великий бушует за ним океан. На берегу рыбацкий стоит поселок. Налево сто верст скачи, направо сто верст скачи — не встретишь опять селенья. Редко живут здесь люди.

В поселке тридцать рыбацких семей. Тридцать бревенчатых домиков. У причала четыре стоят баркаса. Ходят люди в далекое море. Рыбу сетями ловят.

Не скупится Охотское море. Возвращаются с лова баркасы домой, чуть не тонут от рыбьего груза.

Солят люди рыбу на берегу. В бочки ее пакуют.

Говорят: в поселке живет артель. Однако бочки, баркасы и весь улов — это богатство хозяина. Платит он рыбакам копейки, наживает себе рубли. Хозяина сразу два: купец и промышленник Федор Проворов и батюшка местный отец Мефодий. Они все доходы делят.

Вот так артель — одни ловят, другие доходы делят. Вот какие порядки были. И здесь и по всей России.

Федор Проворов и вправду не промах. Он хоть и выдаст рабочим за труд копейки, но тут же снова себе вернет. Открыл магазин в поселке. Тащат люди туда копейки.

Да и священник отец Мефодий тоже не лыком шит. Бога на помощь себе зовет. Берет за крестины, за память усопшим, на ремонт, мол, для храма, для новой иконы...

Вот так и живут в поселке. Проворов торгует. Мефодий кадилом машет. Рыбаки в бурное ходят море. Доходы — богатым. Гроши — рабочим. Это и есть артель.

Но и на далеком Охотском море установилась Советская власть.

Лишились Федор Проворов и батюшка местный отец Мефодий бочек, баркасов, своих доходов. Настоящая стала в поселке артель. Советская. Кто ловит рыбу в Охотском море, тот и доходы делит.

АВТОМОБИЛЬ

Наслушался Колька новых слов: «национализация», «экспроприация», «собственность Российской республики»...

Собрал дружков и приятелей, стал им растолковывать про новую жизнь.

— Экспроприация,— объяснял,— это когда у капитали-

стов и помещиков отнимают все их богатства. Национализация — когда эти богатства передают в руки трудового народа. Богатые, они живоглоты,— уточнял Колька.— У них силой брать нужно.

Не хочется ребятам отставать от общего дела. Стали они думать, что бы такое им экспроприировать и национализировать.

Один предложил футбольный мяч у генеральского сына Ардалеона Кукуева. Второй — конфеты и сахар из лавки купца Бондалетова. Третий за то, чтобы отнять говорящего попугая у графини Чичериной.

— Попугая,— передразнил Колька.— Зачем попугай трудовому народу. Фабриканта Заикина знаете?

— Знаем.

— Автомобиль «роллс-ройс» видел?

— Видели.

— Будем экспроприировать автомобиль.

Ребята так и замерли от неожиданности.

— Научимся управлять,— продолжал Колька.— Всех бесплатно станем катать по городу.

Прав Колька. Лучшего и не придумаешь!

На следующий день устроили ребята возле заикинского дома засаду. Дождались, когда подъехал «роллс-ройс» и ушел хозяин. Выбежали, облепили автомобиль со всех сторон. Колька залез в кабинку, отпустил рычаг тормоза. Поднавалились ребята, покатили автомобиль.

— Быстрей, быстрей!— кричит из кабинки Колька.

Катят ребята «роллс-ройс» и чем дальше, тем быстрее. Набирает машина скорость. Сидит Колька важный, довольный. Вцепился руками в руль.

Улица пошла под уклон. Закрутились колеса быстро, быстро. Ребята едва поспевают сзади.

— Держи его, держи!— вопит Колька. Да где уж. Разогналась машина, отстали ребята. Хочет Колька схватить за рычаг тормоза. Однако с перепугу растерялся — где рычаг, сообразить не может. Перешел автомобиль с правой стороны улицы на левую, выскочил на тротуар, и в дерево — бух! Вылетел из кабинки Колька. Лицом о булыжники — шмяк!

Поднялся на улице крик. Поняли ребята, что дело может дурным кончиться, и в разные стороны. Вскочил Колька и, тоже встремглав, от машины.

Вернулся Колька домой. Лицо распухшее. Синяк под глазом. Рубаха порвана.

— Боже!— всплеснула руками мать.— Никак опять с Гришкой Марафетовым дрался.

— Опять озоруешь,— обозлился отец.

Молчит Колька.

— Ну я тебе помолчу!

Потянулся отец за ремнем. Сложил его вдвое. Понял Колька — не будет пощады. Решил признаваться.

— Автомобиль,— произнес.

— Что автомобиль?

— У Заикина.

— Что у Заикина?

Рассказал Колька про экспроприацию.

Опустил Колькин отец ремень, усмехнулся.

— И всюду-то ему свой нос сунуть надо,— проворчала мать.— Всыпь, всыпь ему как следует, Митрофан Афанасьевич.

— Вот и всыплю. Ой, как всыплю,— отозвался отец.

Однако по тому, каким тоном говорила мать и как ей отвечал отец, Колька понял, что драть его сегодня не будут.

Ну и верно. За что же драть? Ведь Колька не для себя, для всего трудового народа старался.

«МИССИСИПИ»

Любили ребята выходить к берегу Волги, смотреть, как отчаливает «Миссисипи». Два колеса. Две трубы. Две палубы. Загудит — мертвого из гроба поднимет. Вот бы на таком прокатиться!

Да только не про их честь «Миссисипи». Господа да разные важные баре заполняли палубы парохода. Сам владелец судна, дородный, широкогрудый, длиннобородый купец Митридатов, встречал пассажиров.

— Милости просим, в полное ваше удовольствие: отдельные каюты, ресторация, душ, буфет,— объяснял он каждому.

Димка Пухов, сын кочегара, побывал как-то на пароходе. То-то было потом рассказов.

— Машина у него — во!— разводил Димка руками.— Угля жрет — во!— привставал он на цыпочки.— Палуба — гладкая, сладкая. Лестницы коврами выстелены. А Миссисипи — это река в Америке.

Зиму с семнадцатого на восемнадцатый год пароход

простоял в затоне. А с весны началась национализация речного транспорта. Пришла пора и Митридатову расставаться со своим «Миссисипи».

— Митридатову — крышка,— объяснял Димка приятелям.— Крышка и точка. Нынче хозяин пошел иной. Трудовой народ нынче всему хозяин. Во как!

Вот и пристали ребята к Димке, пусть, мол, он попросит отца-кочегара, а тот кого следует, устроить ребятам катание.

— Ишь чего захотели,— усмехнулся Димка. Однако мысль о катании и самому пришлась по душе.

— Порядок,— заявил он через несколько дней.

Вода в этот год стояла высокая. Волга разлилась на оба берега. Затопила она острова, соединила протоки, подошла к далекому сосновому лесу. Раздолье в такую пору на Волге. Ждут не дождутся ребята, когда же будет катание.

— Скоро,— успокаивает Димка.

Через день:

— Совсем скоро.

Еще через день:

— Завтра!

И вдруг ночью над Волгой раздался страшенный взрыв. Прибежали на рассвете ребята к крутому берегу, глянули вниз — нет «Миссисипи».

Не захотел Митридатов отдавать пароход трудовому народу, взорвал, затопил «Миссисипи».

— Эх ты, пропало катание.

Пока поднимали со дна реки, пока чинили, а затем красили пароход, прошло лето. А с осени ребята снова завели разговор про катание. Снова Димка говорит с отцом и опять заявил:

— Порядок.

Ходят ребята за Димкой:

— Скоро?

— Скоро.

— Совсем скоро.

— Завтра.

Прибежали ребята с самого утра к Волге, к крутому берегу, глянули вниз — нет «Миссисипи».

— Что такое? Где пароход?

А время было тревожное. Не смирились богачи с потерей земли, фабрик, заводов. Организовали они белые армии, пошли войной против молодой Советской республики.

Вот и уплыл на войну «Миссисипи». Установили на нем

пулеметы и пушки, посадили красных бойцов, отправили бить белых.

Сгрудились ребята на волжской круче, рассуждают:

— Правильно.

— Мы подождем.

— Нам не к спеху. Пусть себе едут красные бойцы. Пусть бьют, разбивают белых.

— Вернется, вернется наш «Миссисипи».

ДУРНОЕ СЛОВО

— И чего ты царя поминаешь! — кричала тетка Марья на дядю Ипата.— Что он тебе, царь, отец родной? Что ты его позабыть не можешь?!

— Отец не отец, а вроде, как оно при царе лучше было,— отбивался дядя Ипат.

— Было,— передразнила тетка Марья.—Тебе при ресторации бородой трясти, может, оно и лучше было. А вот влез бы в мужицкую шкуру, то ли запел бы...

Вот уже больше месяца с той поры, как сгорело село Выселки, тетка Марья вместе с Ленькой живет в Москве у дяди Ипата. Живут они в Марьиной роще, на одной из московских окраин. Здесь в полуподвале старого покосившегося дома у дяди Ипата маленькая, с непроходящей сыростью на стенах комната.

Удивительный был этот месяц. Помнит Ленька, как встречал их дядя Ипат, большой, грузный, с белой бородой, что козьими рогами торчала в разные стороны. Он расцеловался с теткой Марьей, потом посмотрел на Леньку, сказал:

— Ленька, значит. Вот оно как. Ростом не вышел, да как-нибудь.

Дядя Ипат работал швейцаром на Тверской при ресторане. Думал в помощь к судомойке пристроить Леньку. Не получилось. Грянула Октябрьская революция. Хозяин бежал. Ресторан закрыли. Дядя Ипат остался и сам без места.

— Вот они, нонешние порядки,— ворчал старик.— Да, было времечко. Иные нынче пошли времена.

И вот как-то собрался дядя Ипат в баню, взял с собой Леньку. Дыхнула на мальчика мыльным запахом московская баня, посмотрела со стен зеркалами, узорными дорожками легла под босые ноги.

— Прелесть-то какая,— говорил дядя Ипат.— Смотри, тебе такое впервой.

И Ленька смотрел.

Раздевался дядя Ипат чинно, не торопясь. Снял рубаху, бережно сложил ее. Погладил бороду. Потом долго сидел в одних подштанниках и все на людей посматривал. Народу набилось в этот день много.

Мылся дядя Ипат всласть. Плескался, фыркал, мылил свою длиннющую бороду и неистово натирал шею. Потом повел Леньку в парильное отделение. Окутало мальчика седым паром — дышать трудно. Смотрит по сторонам — полати, на них люди.

— Ох, ох!— вздыхает толстый господин.

— Поддай, поддай!— кричит молодой парень.

Бойко лупит себя по тощим бедрам какой-то субъект в пенсне. Растянулся на верхней полке и дядя Ипат. Сунул Леньке веник, наказал хлестать по спине. Хлещет Ленька, но не без робости.

— Ты что, силы в руках нет?— ворчит дядя Ипат.— Вот так. А-а-а, вот так,— и ежится от удовольствия.

Парился, парился старик и вдруг произнес:

— А при царе оно все же лучше было.

И сразу же на дядю Ипата посмотрел тот молодой парень. За ним и другие.

— Как же, вестимо, лучше,— повторил дядя Ипат.

— Правильно говорит товарищ с бородой,— прогудел толстяк.

— Что, кто сказал правильно?— крикнул субъект в пенсне, полез на полати, протянул руку, заговорил:— Граждане, мы боролись за свободу России.

— Кто боролся? Ты боролся?!

Кто-то стянул оратора вниз. Чья-то рука потянулась к бороде дяди Ипата.

— Бей его.

— Бороду на мочало!

Старик вскрикнул, поскользнулся и рухнул на пол. В парильню стали сбегаться люди, загромыхали шайками, заговорили нестройно, наперебой. Тощий субъект опять полез на полати.

— Граждане, мы боролись за свободу России...

На шум прибежал хозяин бани. Остановился растерянно в дверях, закричал:

— Господа!— потом передумал:— Граждане!— и наконец с мольбой:— Товарищи!

Шум не стихал. Кто-то схватил шайку и плеснул хозяину прямо в лицо. Тот выплюнул воду, ругнулся и вышел.

Через несколько минут в бане появился вооруженный патруль. Здоровый детина в матросском бушлате, видимо старший, пытался перекричать собравшихся. Но снова никто не обращал внимания. Тогда матрос достал маузер и стрельнул.

И сразу все обернулись. Умолкли.

— Вставай, папаша,— проговорил матрос, подавая дяде Ипату руку.

Старик поднялся. С опаской посмотрел на матроса, на маузер.

— В чем дело?— спросил матрос.

Подбежал субъект в пенсне и заговорил быстро-быстро, словно боясь, что его опять оборвут на полуслове:

— Товарищ военный, вот этот,— указал на дядю Ипата,— вел враждебную пропаганду.

Матрос взглянул на человека в пенсне, потом на дядю Ипата, спросил:

— Было?

Старик растерялся, заморгал глазами, взялся рукой за бороду, отпустил, опять взялся.

— Было?— повторил матрос.

Дядя Ипат молчал.

— Он, изволю вам доложить,— не унимался тощий субъект,— так и заявил, что при царе было лучше.

— Собирайся, папаша,— проговорил матрос и показал рукой на дверь.

— Ты что же это?— спросил матрос, когда они вышли на улицу.— Чем же тебе Советская власть не угодила?

— Да она ничего. Она угодила,— ответил старик.— Только как же оно без царя! Оно вроде бы и несерьезно.

— Несерьезно? Ишь ты,— усмехнулся матрос.

Около Сухарева рынка матроса кто-то окликнул.

— Стойте здесь,— сказал он дяде Ипату и Леньке.

Однако едва матрос отошел, старик схватил мальчика за руку и поспешно шмыгнул в подворотню. Потом они лезли через какой-то забор, и Ленька едва поспевал за дядей Ипатом.

С того дня, как убежали они от матроса, старик жил в постоянной тревоге. Все ждал, что придут, арестуют. И вот наконец на пятый день в дверь постучали. Ленька было побежал открывать, но дядя Ипат крикнул:

— Куды? Стой, сиди на месте!

В дверь опять постучали. Потом было слышно, как шаги удалились. Старик перевел дыхание.

И вдруг снова раздались шаги. За дверью послышались голоса. Говорила тетка Марья:

— А чего ему быть не дома. Дома. Да заходите.

Дядя Ипат побледнел. Быстренько стал за занавеску, дернул за собой Леньку.

Дверь открылась, и в комнату вошли двое. Мальчик приложил глаз к дырке и все увидел. Один высокий с портфелем в руке. Другой... с тем же маузером на боку матрос, знакомый по бане. Вошедшие осмотрели комнату, матрос поднял глаза к потолку. И Ленька поднял. Там, в правом углу, проступало мокрое пятно. Посмотрел себе под ноги. Прогнившие доски образовали широкие щели, и из них несло сыростью.

— Так, значит, Ипат Игнатьевич Дремов,— проговорил человек с портфелем.

— Он самый,— ответила тетка Марья.

— А вы ему родная сестра?

— Сестра.

— Мальчик еще, говорите?

— Ленька. Сирота. Нашей сестры Варвары, стало быть, сын.

— Так, так,— проговорил высокий.— А мы к вам из районного Совета рабочих и солдатских депутатов.

— По важнейшему делу,— добавил матрос.

Ленька посмотрел на дядю Ипата. Старик стоял и, казалось, не дышал.

И вдруг Ленька задел ведро. Оно громыхнуло. Дядя Ипат вздрогнул. Пришедшие повернулись в их сторону. Матрос схватился за маузер:

— Кто там?

Дядя Ипат молчал и быстро, по-старушечьи крестился. Подошла тетка Марья, отвернула занавеску.

— Да куды ты залез!— закричала.— И бороду расправь. К тебе, чай, пришли.

Дядя Ипат взглянул на пришедших, увидел матроса, попятился.

— Хо-хо!— загудел матрос.— Монархист. Старый знакомый.

Дядя Ипат отступил еще на шаг, задел за лавку, шлепнулся на пол.

Матрос рассмеялся. А человек с портфелем бросился к дяде Ипату.

— Что с вами? Мы из Совета.— Он протягивал старику какую-то бумагу.— Вот ордер. Вас переселяют в благоустроенную квартиру. В дом генерала Инсарова.

Дядя Ипат поднялся, смотрел то на бумагу, то на матроса, то на тетку Марью и никак не мог понять, что к чему.

— Благодарствуй, благодарствуй,— толкала тетка Марья старика в бок.— Вот окаянный. Сдурел, что ли, от радости.

Новая комната оказалась на втором этаже. Была она большая и светлая, в два окна, на Садовой. Когда дядя Ипат в первый же вечер окунулся в мягкую широкую постель, он еще раз посмотрел по сторонам и сказал:

— Вон оно, как при царе жили! Да, было времечко.

— Да умолкни же ты, ирод!— обозлилась тетка Марья.

Дядя Ипат смолчал.

А еще через день Дремова пригласили в районный Совет и предложили работу — заведовать хозяйством при детском доме. Возвращался дядя Ипат довольный, перебирал свою белесую бороду. «Значит, приметили,— рассуждал.— Вот и Леньку теперь пристрою». И вдруг опять повстречал матроса.

— Хо-хо!— загудел матрос.— Монархист!

Дядя Ипат насупился.

— Ты это мне брось,— прикрикнул он на матроса. И, не поздоровавшись, прошел мимо.— Тьфу,— сплюнул старик с досады.— Эка же слово дурное выдумал. «Монархист»,— повторил про себя. Потом усмехнулся, успокоился и степенно двинулся дальше.

МЕЛЬНИЦА

Крестьянам деревни Телегино в наследство от помещика Крякова досталась кирпичная мельница.

Мельница старая, без крыши, без крыльев. Сохранить бы, наладить ее. Однако крестьяне уперлись.

— Неча тут думать. Делить. Делить. Кирпичами. По едокам! Поровну!

Растащили в момент.

— Эх, времена,— вздыхал богатый мужик Афанасий Блинов.— Стихия. Нет, не будет проку от новой власти, раз она все разрушает.

— А ты не пророчь. На новую власть не каркай,— отвечал Блинову недавний солдат Савелий Махотин.—

Мужицкий зуд, он что гной в чиряке. Ему выход наружу нужен. От этого организма только крепчает. Дай срок. Новую мельницу, лучшую выстроим.

— Выстроишь,— огрызнулся Блинов.— Из чего ты ее построишь?!

А времена были тяжелые. Кирпич на вес золота. Жести с огнем не сыщешь.

Вскоре в Телегине был создан крестьянский Совет. Избрали Махотина первым его председателем.

Прошел месяц, второй, заговорил Махотин про мельницу.

— Нужна, нужна,— соглашались крестьяне.— Нельзя без нее. Зазря мы тогда. Сгоряча. По злобе на Крякова.

Рад председатель таким словам. Сразу о деле. Мол, надо собрать разделенный кирпич, выискать гвозди, железо и за работу.

Приумолкли крестьяне. Пожались. Поежились. И вдруг на попятную.

— Да нет у нас кирпича. На печи пошел. На трубы пошел. А Иван Синебрюха, так тот свою долю и вовсе продал.

— Откуда у нас железо.

— Что мы — гвоздильный завод!

Не получилось ничего у Махотина.

— Не поверил,— язвит Блинов.— Эх, солдат, плохо ты крестьянскую душу знаешь. Да что к мужику попало — назад не вернешь. Хе-хе.

Прошла весна. Наступило лето. Заколосилась на поле рожь. Стоит она стройная-стройная, силы земной набирается. Не господская — крестьянская рожь.

Ячмень торчит ежиком. Длинным усом в синее небо тянется. Не господский — крестьянский ячмень.

Овес выкинул стрелку. Во все стороны начал кланяться. Не господский — крестьянский овес.

Любо выйти и глянуть на поле.

И вот пошли по селу разговоры:

— Прав, поди, был Махотин.

— Как же без мельницы.

— Куры засмеют.

— Собаки обгавкают.

— Не для бар и господ — для себя ведь стараемся.

— Эй, председатель, собирай-ка крестьянский сход.

Собрался крестьянский сход. Шумно. Людно. Все норовят перекричать друг друга.

— Граждане,— призывает Махотин.— Тише! Граждане! Тише! Выходи для слова сюда.

Вышел мужик Дормидонт Савельев.

— А какое тут слово, строить мельницу, и весь сказ.

— Строить, строить!— кричат мужики.

— Новую.

— Ладную.

— Так, чтобы и нам, и детям, и внукам.

Улыбается Махотин, а сам для задора:

— Так как же ее построишь. Кирпича нет. Железа нет. А гвозди? Что мы — гвоздильный завод?

— Есть кирпич, есть!— кричат собравшиеся.— От кряковской сохранился. Не пожалеем. А мало, так еще сыщем. К соседям, к волошинским мужикам, пойдем. И им мельница надобна. И у них кирпич от барской конюшни есть.

— Ну ладно,— сдается Махотин.— Ладно. Кирпич есть. А как же с железом?

— Найдем и железо,— перебивают крестьяне.— К мужикам из Лисьей Норы сходим. У них господская псарня железом крыта.

— А как же по части гвоздей?

— Будут гвозди. Насобираем. У каждого дома по паре найдется. А мало — адамовские помогут. У них в барском заборе гвоздей прорва.

— Ну, что,— спросил после схода Махотин Блинова,— как по части крестьянской души?

— Непонятное что-то,— развел руками Блинов.— Преудивительное...

Строили мельницу дружно, с песнями, с шутками. И волошинские мужики помогли, и адамовские, и из Лисьей Норы. Получилась мельница ладная, крепкая. И для детей и для внуков.

Она и поныне стоит. Если ехать машинной дорогой от районного центра к деревне Телегино, то как раз от дороги на бугорочке слева. Только старых крыльев не сохранилось. Паровой стала мельница.

КРОКЕТ

Помещик Водолеев, учитель Пиналов, землемер Дятлов и батюшка Греховодов любили играть в крокет. Двое на двое.

Игра интеллигентная, тихая. Ударяй молотком по шару, гоняй его вперед и назад по полю.

Идет бывало Пахом Арепин мимо барской усадьбы, обязательно остановится, смотрит, как господа развлекаются.

— Господская игра, мирная,— рассуждал Арепин.— Не то, что наши забавы, мужицкие — на кулачках друг другу лица в кровь разукрасить.

При дележе водолеевского имущества Арепин и выбрал себе крокет.

— Непутевый мужик, как есть непутевый,— посмеивались соседи.— Заплат на армяке, что опят на пню, лапти два года не меняны, ему бы водолеевские щиблеты или барский кафтан, так нет же — господских забав захотелось.

Начнет Арепин с сыном Гришаткой играть в крокет, соберутся мужики, облепят плетень, смотрят, смеются:

— Арепин никак за Водолеева.

— А Гришатка за Дятлова, за Дятлова.

— За Пиналова они, за Пиналова. За батюшку, за Греховодова.

Однако Арепин словно и не слышит мужицких речей. Знай себе по шарам ударяет, гоняет их вперед и назад по полю.

Постепенно перестали мужики шутить и смеяться. Самих взяло любопытство. Первым не выдержал Прохор Немытов.

— А ну, Пахом, дай-ка и я ударю.

Принял Арепин в игру Немытова. За Немытовым потянулся Корытов. За Корытовым — Сечкин. За Сечкиным — Гречкин. За ними и остальные.

Понравилась крестьянам игра в крокет. Чуть свободное время, тянутся к дому Пахома Арепина.

Пора приближалась к спасу. Это праздник такой. По случаю урожая.

Напивались бывало в этот день мужики. До хрипу разными песнями надирали глотки. А потом начинались кулачные бои: один на одного, улица на улицу, а то и село на село.

И в этот год готовились к спасу. Больше всех волновался фельдшер Сорокин. «Уж сколько будет битых голов. Сколько снова бинтов, йоду понапрасну уйдет».

Наступил спас — нет битых.

«Что такое?» — удивляется фельдшер Сорокин. Пошел по селу. Тихо, спокойно. Свернул в проулок, где стояла изба Пахома Арепина. Народу — словно на ярмарке. Про-

бился Сорокин сквозь толпу к центру. Смотрит — площадка. Маленькие воротики из железных прутиков в землю воткнуты. В руках у мужиков деревянные молотки, на земле шары.

— Так это же крокет,— поразился фельдшер.— Странно. Впервые вижу: игра интеллигентная, тихая, и вдруг крестьяне...

С игры в крокет многое началось на селе.

Вскоре избу-читальню открыли, газет повыписывали, открыли шашечный клуб. Потом новую школу и клуб отстроили. Радио заговорило. Появился электрический свет.

Не сразу, правда. Не в один день. Со временем.

УЧИТЕЛЬ

В деревню Малые Кочки приехал новый учитель. Матрос, балтиец, авроровец. Учитель он, правда, временный, до той поры, пока настоящий прибудет. Старый — сбежал, вот и понадобилась срочно замена.

Явился учитель в класс. Притихли ребята, ждут, когда тот начнет им про буквы рассказывать.

А матрос — раз и им про «Аврору». На следующий день про штурм и про взятие Зимнего. Потом про партию большевиков, про Советскую власть и про Ленина.

Интересно ребятам. Уставят глаза на матроса, сидят, слушают.

Прошло несколько дней, стал матрос у ребят проверять, что те поняли и чего недопоняли.

— Что такое «Аврора»?

— «Аврора» есть революционный корабль Балтийского флота, тот, что по Зимнему из пушек стрелял.

— Молодцы, правильно!— хвалит матрос.— А что такое партия большевиков?

— Эта та, что самая лучшая,— торопятся ответить ребята.— Партия большевиков за то, чтобы землю — крестьянам, заводы — рабочим, мир — всем народам.

— Верно,— кивает матрос головой.— Ну, а что такое Советская власть?

— Это, когда правят страной не царь, не буржуи, а сам трудовой народ.

— Так. А кто расскажет про Ленина?

— Я, я, я...— понеслись голоса.

— Говори, Еремей Торопыгин.

Вскочил Торопыгин.

— Ленин есть вождь всего трудового народа. Ленин в тюрьмах сидел. Ленин в ссылках бывал. Ленин всю свою жизнь за дело рабочих бился.

Доволен матрос. Смотри, какие умные стали ребята.

Стал матрос объяснять, как буква «а» пишется, как буква «б». Сколько будет один и один, сколько два и два. Дальше матрос не успел. Отозвали матроса.

Вскоре приехал настоящий учитель. Девушка-большевичка. Зоя.

— Ну, что вы здесь изучали?

— Про «а» и про «б».

— Про один и один, про два и два.

— Ну, а еще?

Жмутся ребята.

— Не успели мы больше, матрос уехал.

— Да, немного вы изучили,— говорит Зоя.— Видать, не очень прилежные?

Обидно слышать ребятам. Поднялся Еремей Торопыгин.

— Зато мы про Ленина знаем.

— Верно, верно!— закричали ребята.

— И про Советскую власть.

— И про партию большевиков.

— И про штурм и про взятие Зимнего.

Улыбнулась Зоя.

— Кто же вам рассказал?

— Он, он, балтиец, аврoровец!

Задумалась Зоя: «Молодец, балтиец, с главного начал». Жалко ей, что не застала она матроса. И ребятам жаль, что матрос уехал. Так ведь матрос не учитель. У матроса свои, другие дела.

ИМПЕРАТОРСКАЯ ОСОБА

Постановлением Советской власти была ликвидирована придворная конюшенная часть. Разослали царских лошадей по разным местам.

Конь по кличке Маркиз попал в деревню Захаровку. Собрали безлошадных мужиков. Бросили жребий. Конь и достался Кузьме Полосухину.

Обалдел мужик от неожиданной радости. Не верит случившемуся. Конь рослый, статный. Хвост и грива подстри-

жены. Ноги тонкие. Шея точеная. Не конь, а императорская особа.

Ведет Полосухин коня под уздцы домой. Следом идут крестьяне.

— Конь, ну и конь!

— Сам царь небось ездил!

— Царица, царица,— смеются крестьяне.

— Стой, а как же на нем пахать? Он к плугу, чай, не приучен!

Завел Полосухин коня к себе на подворье. Тут же стал запрягать в телегу. Не дается, брыкается конь. Бьет о землю копытом.

— Дьявол,— ругается Полосухин.— Да стой ты! Но! Тпру! Тпру! Но!

Не помогает.

Смеются крестьяне.

— Ты его нежненько, нежненько,— поучает один.

— Ты ему по-французски,— надрывает бока другой.— Он, видать, по-российскому не разумеет.

— По имени и отечеству величай!

Обозлился Кузьма. Загнал Маркиза в сарай. Разошлись крестьяне.

Целую неделю бился Кузьма, пытаясь приучить коня к хомуту и телеге. Не получилось. Чуть конь копытом его не прибил.

— Ну его к лешему,— разозлился вконец Полосухин.— Продам я его цыгану.

Взял и продал.

И вдруг приходит в сельский Совет бумага, в которой сообщается, что Маркиз попал в Захаровку по ошибке. Что конь этот породы редкостной и что его нужно немедля переправить на орловский конный завод.

Накинулись мужики на Кузьму:

— Да как ты посмел продать?!

— Такого коня и бог знает куда!

— Давай находи Маркиза!

Еле отбился Кузьма. Бросился Полосухин искать цыгана. Ездил по разным селам и деревням, по разным базарам. Нашел.

— Отдавай,— говорит,— коня.

— Как так?!

Рассказал Полосухин в чем дело.

Усмехнулся цыган.

— Так я же его перепродал.

— Кому?!

— В соседний уезд богатому мужику Никифору Уварову.

Помчался Полосухин в соседний уезд. Разыскал Никифора Уварова.

— Отдавай,— говорит,— коня.

— Как так?!

Рассказал Полосухин в чем дело.

— Э,— говорит богатый мужик,— так я его отдал.

— Кому?

— Зятю, зятю. На хутора.

Примчался Полосухин на хутора. Разыскал зятя.

— Отдавай,— говорит,— коня.

— Как так?!

Рассказал Кузьма в чем дело.

— Так я его выменял.

— О, господи!— взвыл Полосухин.

— Да он тут, недалече. В селе Захребетном у лавочника Переплюева.

Явился Полосухин в село Захребетное к лавочнику Переплюеву.

— Отдавай,— говорит,— коня.

— Как так?!

Объяснил Полосухин в чем дело.

— Ладно,— согласился лавочник.— Только кони теперь дорогие. Тройную цену давай тащи.

— Ты что, ошалел,— кричит Полосухин.— Конь же для государственных нужд. На орловский конный завод для развода,— повторяет Кузьма.

— Не хочешь, как хочешь. Такой конь и мне не в помеху,— упирается лавочник.

Вернулся Полосухин в свою Захаровку. Рассказал мужикам про Переплюева.

Пошумели мужики, покричали, Снова, как могли, ругали Кузьму за продажу Маркиза. А потом порешили так:

— Черт с ним, с Переплюевым. Да разве ему, купцу-толстосуму, понятен общественный интерес. Не на лавочника, на мужика Советская власть равняется.

Сложились крестьяне, откупили Маркиза, отправили по назначению.

— Что конь? В коне разве дело,— рассуждали они.— Важно другое. Вон сколько дел у Советской власти, а и о нем, о Маркизе, вспомнила. Новая власть того — с головой. Словом одним — хозяйственная.

НЕБО

Пришла Советская власть в деревню Старые Дворики. Насмотрелись ребята, как взрослые делили господскую землю, живность и другое добро, размечтались.

— Эх, и нам бы придумать какой дележ.

А так как делить было больше нечего, все уже делено и переделено, то Колька Рябов вдруг предложил:

— Давай делить небо.

— Вот те раз, как же его делить?!— усмехнулись ребята.

— А вот так и делить. По-хорошему. Поровну!

— Это понятно. Ну разделим. А дальше. Что же с ним дальше делать?!

— Как что? Все, что желаешь: избу ставь, паши, коней выводи в ночное.

Подивись ребята, забавно.

Было их четверо: Колька Рябов, Еремка Дударов, Гришатка Кобылин, Марфутка Дыгай.

— Ладно, делить так делить.

Провели они по небу одну черту вдоль, другую поперек.

Кинули жребий — кому какой край достанется.

Соберутся ребята за селом на лугу. Плюхнутся в травы. Животы кверху. Глаза в небо. Хорошо, когда ты хозяин. Делай все, что взбредет тебе в голову.

Распахал свой участок Еремка Дударов под жито. Колосится, наливается янтарным колосом рожь. Вывел Гришатка Кобылин коней в ночное. Разжег костер у самого края неба. Разукрасила, заполонила васильком и ромашкой свою долю Марфутка Дыгай.

И Колька Рябов тут же со всеми. Глаза воспалились. Веки вразлет. Рот приоткрылся. И чудится Кольке дробь барабана. Слышится горна призывный звук. И знамя, красное знамя полощет по небу. Видит Колька себя. Верхом на лихом коне. С острой пикой наперевес.

А оттуда, где небо смыкается с полем, из-за тучи, прикрывшей закат, вдруг выползают несметные чудища.

— Бей их, бей их! Кроши!— мчит на врагов героически Колька.— Ура!— размахнулся рукой.

Еремка Дударов тронул друга за плечи:

— Чего это ты?

Смутился Колька, ничего не ответил. А в ушах попрежнему конский цок. И рука не разжала пику.

То-то забав у ребят. То-то веселья. Выйдут на улицу в вечер. Головы ввысь. Звезды считают. Сколько каждому звезд перепало. Считают, считают, собьются со счета. Рассмеются, заспорят.

— Сначала! Сначала!

Снова работа.

А тут по весне, по первой грозе, босиком да по лужам примчались ребята к речке на мост.

— Ух, полыхает!

— Ух, громыхает!

Молния. Гром. Тучи кругом. Речка взыграла, словно хмель в берегах. По разбойному ветер присвистнул. Горохом об стену — по бревнам дождь.

— Видать, к урожаю!

— Из нашего неба!

— А не хотели делить!

Дружно жили ребята. И вдруг. Дело было в начале лета. Опять на лугу собрались ребята. Снова лежат. Каждый занят своим участком. Солнце катит по небу. Шепчутся травы. Перепелка издала крик.

И вот тут-то Гришатка Кобылин заметил несправедливость: достался ему кусок неба с несолнечной, с северной стороны.

Насупился Гришатка, привстал:

— Обдурили!

Повскакали ребята. В чем дело?!

— Солнце себе, а мне дулю,— тычет Гришатка рукой на небо.

Смотрят ребята: верно.

— Так ведь по жребию,— произнес Еремка Дударов.

— По справедливости,— бросила Марфутка Дыгай.

— Хочу участок с солнцем, с солнцем,— не утихает Гришатка.— Арбузы хочу сажать.

Раскричались ребята. Не заметили, как перессорились. Надулись, разошлись по домам.

А дома задумались.

— Нехорошо это у нас получилось,— рассуждает Еремка Дударов.

— Зазря перессорились,— всплакнула Марфутка Дыгай.

И Колька подумал: «А ведь прав Гришатка — каждому солнца хочется».

Собрал тогда Колька Рябов снова ребят:

— Вот что, давай обобщим небо.

Уставились ребята на Кольку, а потом закричали:

— Правильно, правильно! Сделать общим, общим его!

— Солнце, оно одно,— заявил Колька.— Пусть всем светит.

ПРИЯТНОСТЬ

Тульский рабочий Артемий Теплов прислал в родную деревню письмо. Было оно коротким, всего в шесть слов: «Ждите гостей. Будет для вас приятность».

Чешут крестьяне в затылках, разводят руками, ломают головы.

— Непонятное что-то. Неясное. Кто же это приедет? Зачем? А главное, в чем же будет приятность?

Прошло дней десять. И вот прибыла из Тулы рабочая делегация. Да не просто так. Не с пустыми руками. Привезли рабочие серпы и косы, вилы, железные оси для тележных колес, петли, гвозди и прочую железную мелочь.

Мужики так и ахнули:

— Вот это приятность!

А с серпами, косами, да и другими железными изделиями была в ту пору в деревне беда-бедой. Кое-как перебивались крестьяне.

Разгорелись глаза у крестьян.

— Продавать будете?

— Нет,— говорят рабочие.

— Менять?

— Тоже нет.

Не поймут мужики в чем дело.

— Привезли вам в подарок,— объясняют прибывшие.— От нас, от рабочего класса.

Удивились крестьяне.

— Бесплатно?!

— Ну да. От чистого сердца! Принимайте рабочий гостинец.

Как в сказке свалилось на мужицкие головы такое богатство.

Засуетились крестьяне, забегали. Потащили делегатов в избы, к столу.

Поели рабочие:

— Благодарим. Будьте здоровы. А нам пора назад, на завод.

Поклонились гости, уехали.

— Ну и дела.— Никак не могут прийти в себя мужики.— Чтобы задарма. По доброй охоте. Чудеса, да и только.

Вскоре приехал в село и сам Артемий Теплов.

— Ну как косы, как вилы? Была ли приятность?

— Была, была,— кричат мужики.— И косы хороши, и серпы, и вилы. А если говорить про приятность, то в том, что рабочий класс для нас вроде как брат родной, в этом главная есть приятность.

ГОСТИНЕЦ

Мужики села Береза решили с первого урожая послать гостинец Владимиру Ильичу Ленину.

Собрали мешок зерна. Отвезли на мельницу, перемололи. Написали письмо:

«Дорогой товарищ Ленин!

Во первых словах спасибо тебе за землю, за луга и за лес. Хлеб выдался нынче у нас хороший — по 80 пудов с десятины. Так что каждому будет. Решили и тебя не забыть.

Пшеница у нас не родит. Посылаем муки оржаной. Не побрезгуй. Мука хорошая, тройного помола. Ради тебя старались».

Потом подумали и приписали:

«Передай наш крестьянский поклон всей партии большевиков. Мужики села Береза. Писал за всех Епифан Дыра».

Хотели крестьяне отправить гостинец почтой, да не решились. Подыскали бойкого мужика Прокопа Гмырю. Посадили на телегу, отвезли на станцию, втолкнули в вагон.

— Чтобы никому! — кричали они на прощание.— Чтобы в собственные руки. Понял!

— Так это же ясно.

Через неделю Гмыря вернулся.

— Ну, видел?

— Ну, передал?

— Передал. Видел.

— Да ну!

— Ишь ты!

— Самого Ленина!

— Ну, а что сказал Ленин? Понравилось? Благодарил?

— А как же. «Передайте мое огромное спасибо товарищам крестьянам», так и сказал. Два раза. И за муку, говорит, спасибо и за поклон партии большевиков.

— Ишь ты, с уважением,— улыбнулись крестьяне.
— С пониманием.
— Ну, а что еще говорил Ленин?
— Сказал, чтобы за Советскую власть держались крепко. Чтобы не только о себе думали. Рабочих не забывали. «Вам,— говорит,— вместе с рабочим классом новую жизнь строить».
— Правильно,— соглашались крестьяне.
— Что мы — другого войска?
Довольны крестьяне.
Прошло около месяца. И вдруг получают березовские мужики письмо из города Нижнего Новгорода от рабочих судоремонтного завода.
Читают мужики письмо, удивляются. Благодарят их рабочие за мешок муки. Пишут, что роздали ее больным и детям, по два фунта каждому. Что мука хорошая, хлеб сытный. А в конце:
«Видать, есть среди вас умный и знающий человек. С хлебом у нас действительно плохо. Так что гостинцу вашему нет цены. Спасибо, что о нас, о рабочих, вспомнили».
Удивились крестьяне.
— Какой мешок?
— Какая мука?
— Э, да не та ли самая!
Сообразили крестьяне, в чем дело. Письмо от рабочих доброе, теплое. А все же крестьянам обидно. Собрались они в избе у Прокопа Гмыри.
— Выходит, не понравился товарищу Ленину наш гостинец.
— Побрезговал.
— Так, для виду благодарил.
Призадумался Гмыря.
— Эх, вы,— произнес.— Для виду... От себя оторвал Ленин. Не только о себе думает. Не зря тогда про рабочий класс говорил.
Смотрят мужик на Гмырю.
— А что, верно.
— Так оно и есть.
— Ты смотри: о себе ни слова. Словно бы гостинец от нас. Ух ты, скромный, выходит, Ленин!
— Вот что, мужики,— заявил Гмыря.— Нужно нам не пожалеть и послать в Нижний Новгород хлеба. Да не мешок. Что им мешок. Урожай хороший. Пошлем?
— Верно. Пошлем!— загудели крестьяне.— Поддержим

рабочий класс. Вместе новую жизнь строить. Правильно учит Ленин!

На следующий день отрядили мужики на станцию две телеги с зерном. Снова послали Гмырю.

Свесил конторщик груз. Записал адрес.

— Рабочим? — переспросил.

— Им самым.

— Гостинец?

— Так точно.

— Ну, а от кого? Как указать?

Сощурил Гмыря глаза, глянул хитро на конторщика.

— Пиши. Да так, чтобы было ясно, красиво...

Клюнул конторщик пером в чернильницу, стряхнул, приготовился.

— От Владимира Ильича Ленина, — проговорил Гмыря.

СВИДЕТЕЛИ

Проснулся Фомка, поерзал на нарах, по малым делам помчался на улицу.

Ночь. Темно. Туман по улице стелется. Завернул Фомка за угол заводского барака, вдруг слышит — шаги.

Замер мальчик, прислушался. Шаги все громче и громче. Где-то рядом совсем. Насторожился Фомка. Видит, из темноты, из тумана появились три человека. Двое ящик какой-то тащат, третий несет лопату.

Всмотрелся Фомка — так это же бывший владелец завода Елизар Елизарович Мойкин. Мойкин с двумя сыновьями.

«Ящик. Лопата. Куда же это они?» — заинтересовался Фомка. Тихонько двинулся следом.

Мойкины шли к заводской водокачке. Поравнялись. Поставили ящик на землю. Принялись рыть яму. Роют, торопятся. Озираются по сторонам, прислушиваются.

«Клад зарывают», — сообразил Фомка.

Переждал он, пока Мойкины не завершили свою работу, обошел вокруг водокачки, приметил место, вернулся домой.

Лежит Фомка на нарах, ворочается, заснуть не может. Утром чуть свет побежал к дружку своему, Капке Затворову.

— Капка, Капка, — тормошит Фомка приятеля, — вставай, Капка.

Продрал Капка глаза.

— Ну что тебе?
— Клад, клад!
— Какой еще клад?!
— Настоящий!

Рассказал Фомка Капке про ночную встречу. Вскочил тот, собрался.

Схватили ребята лопаты, бегут к водокачке.

— Там денег небось тысячи,— говорит Фомка.

— Деньги — что! Деньги — бумага. Там золото и бриллианты,— поправляет приятеля Капка.

Прикидывают ребята, что же им делать с такими богатствами.

— Пряников купим,— говорит Фомка.

— Пряники — что!— отвечает Капка.— Бисквит настоящий купим, безе или крем-брюле.

Смотрит Фомка на Капку. Ну и Капка — всегда-то он лучше придумает. Хоть что такое и бисквит, и безе, и крем-брюле Фомка не знает, однако виду не подает — видать что-то очень и очень вкусное.

Размечтались ребята. Матерям пуховые шали решили купить, сестрам ситцу на платья и ленты, отцам сапоги или штиблеты. Потом стали перечислять знакомых своих и соседей. Малининым фунтов десять крупы — едоков у Малининых много. Деду Харламову валенки. Инвалиду Зарубину новый костыль — он давно о новом мечтает. Слесарю дяде Вавилину шестиклинную кепку.

— Он большевик. Он не возьмет,— заявил Капка.

Прибежали ребята к заводской водокачке. Сразу за дело.

— Быстрей, быстрей!— командует Капка.

Толкутся ребята, мешают друг другу. Но вот наконец лопаты уперлись в ящик.

— Тик-так, тик-так,— слышат мальчишки.

— Часы это, часы-ходики,— произнес Фомка.

— Ходики,— усмехнулся Капка.— Это либо будильник, либо часы «Павел Буре» с боем.

Увлеклись ребята. Не заметили, как сзади подошел кто-то. Оглянулись, а это слесарь дядя Вавилин.

— Ну, что у вас тут?

Смутились ребята.

— Клад,— наконец произнес Фомка.— Там золото. Там часы тикают. «Павел Буре» с боем.

— Часы!

Вавилин поспешно нагнулся над ямой, прислушался.

— А ну, отходи!— прикрикнул на мальчиков.

Попятились те.

Протянул Вавилин к ящику руку, повозился, утихли часы. Поднялся он, вытер проступивший на лбу пот, усмехнулся.

— Клад, а ведь и вправду, что клад. Динамитом тот клад называется.

Оторопели ребята.

— Там же часы.

— Часы, да не те. Это механизм специальный для взрыва. Ну, а теперь докладывайте все по порядку.

Доложили ребята.

— Да,— произнес Вавилин.— Вот вам и «Павел Буре».

— Эх, пропали шали и ленты,— вздохнул Фомка.

— Шали и ленты — что!— отозвался Капка.— Водокачка ценнее.

Рассмеялся Вавилин:

— Молодец, Капка!

В тот же день Мойкин и оба сына его были взяты под стражу. Судили их. Судили строго по революционным законам.

Фомка и Капка тоже ходили на суд. И опять обо всем рассказывали. В протоколах суда числились они как свидетели. Однако и сам судья, и все сидящие в зале понимали, что тут что-то не так, что слово это не то. Какие они свидетели, они главные в этом деле.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Размечтались как-то ребята, что бы каждый из них для власти народной сделал.

— Я бы хлеб для нее растил,— сказал Колька Заборов.

— А я бы пошел на завод рабочим — вот какое у Димки Петрова желание.

— В Красной Армии я бы служил,— выпалил Гошка Извеков.— Советскую власть от врагов стерег.

— А я бы,— заявила Люба Козулина,— училась, училась, училась. А потом сама бы в школе детей учила.

Что же, верно решили ребята. Любой этот труд и нужен стране и почетен.

Прошли годы. Взрослыми стали дети.

Колька теперь не Колька — Николай Митрофанович. Землю родную он пашет. Хлебом страну снабжает.

Димка теперь не Димка — Дмитрий Андреевич. Отличный он нынче мастер. Стоит у плавильных печей. Металл для страны добывает.

Гошка теперь не Гошка — Григорий Иванович. На границе далекой он служит. Покой Советской страны охраняет.

Учит в школе детей Любаша. Не Любаша — Любовь Антоновна.

Все получилось. Все, как мечталось. А почему? Советская нынче власть. Все пути для людей открыты.

И вот как-то все четверо снова собрались в родной деревне. Только теперь и у них появились дети.

У бывшего Кольки — мальчик Семен.

У бывшего Димки — мальчик Сережа.

У бывшего Гошки — мальчик Андрей.

У бывшей Любы — девочка Зина.

Повстречались Семен, Сережа, Андрей и Зина, перезнакомились между собой и тоже вдруг размечтались, что бы каждый из них для власти народной сделал.

— Я бы так же, как мой отец, хлеб для страны растил,— заявил Семен.— Я бы стал агрономом.

— Я бы крепчайшие выдумал стали,— ответил новым друзьям Сережа.— Я на завод, как отец, пойду.

— Я бы летчиком смелым стал,— выдал тайну свою Андрей.

— А я бы училась, училась, училась,— сказала приятелям Зина.— Я бы профессором видным стала.

Прошли годы. Выросли Семен, Сережа, Андрей и Зина.

Семен теперь не Семен — Семен Николаевич. Как и хотел, стал агрономом Семен. В далекой Сибири, в Целинном крае совхозом большим командует.

Сережа теперь не Сережа — Сергей Дмитриевич. Придумал он новые стали, новые сплавы. Ракеты он нынче строит. Люди в космос на них летают.

Андрей теперь не Андрей — Андрей Григорьевич. Прославленный он человек. Летчик. Боевой генерал. Он с фашистами смело дрался. Звезда Героя висит у него на груди.

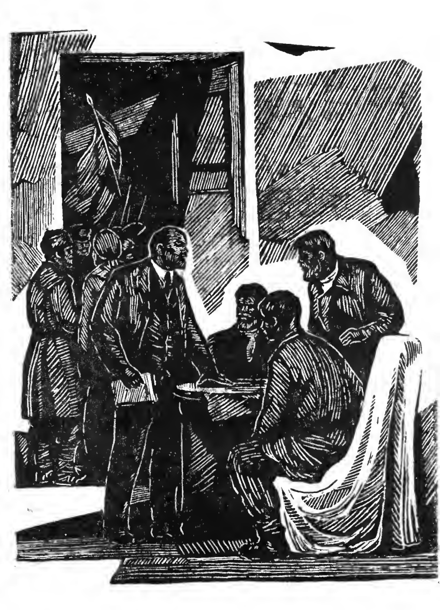
А Зина, Зинаида Кузьминична, стала теперь профессором. Известный она историк. Книги научные пишет. Читаешь те книги и узнаешь, что было когда-то в нашей стране и как великой держава стала.

Сбылись и у этих свои мечты. Немало каждый из них для власти народной сделал.

Вырастешь, сделай побольше и ты. Помни отцов и дедов.

Рассказы
о Владимире Ильиче Ленине

СТАРШОЙ

В Петроград в Смольный к товарищу Ленину прибыла группа крестьян-ходоков из Костромской губернии. В полушубках крестьяне, в лаптях, в шапках-ушанках, с котомками за плечами.

Людей в те дни в Смольном было полным-полно. Тут и рабочие, тут и крестьяне. Солдаты, красногвардейцы, матросы. От человеческих голосов Смольный гудел, как улей.

Идут костромские крестьяне, озираются по сторонам, разыскивают Владимира Ильича Ленина.

А в это время Владимир Ильич шел как раз им навстречу. Крестьяне к нему:

— Дорогой человек, где здесь старшой?

— Кто-кто? — переспросил Ленин.

— Старшой, — повторяют крестьяне. — Тот, кто нынче Россией правит.

— Ах, старшой, — усмехнулся Ленин. Осмотрелся Владимир Ильич вокруг себя. — Вот старшой, — показал куда-то за крестьянские спины, лукаво улыбнулся и пошел дальше.

Оглянулись крестьяне, видят: стоит в коридоре группа рабочих. Рядом с ними солдаты о чем-то спорят. Матрос-авроровец мирно цигарку курит. Чуть поодаль столпились крестьяне. И тоже в полушубках, в лаптях, в ушанках. На спинах висят котомки. Тоже, видать, ходоки-пришельцы.

Смотрят костромичи то на рабочих, то на солдат, то на матроса, то на таких же, как сами они, крестьян.

— Э, да какой же это старшой, — недоумевают костромичи. — Видать, ошибся тот человек с бородкой.

— Кого вам, отцы? — вдруг слышат крестьяне голос. Отошел от рабочих какой-то парень. — Вы тут, видать, впервые?

— Впервые. Нам бы к Ленину, мил человек.

— К Ленину?!

— Ну да, к Володимиру Ильичу.

Покосился на крестьян недоверчиво парень:

— С вами же Ленин сейчас беседовал.

У крестьян, как ворота, открылись рты.

— Кто? Тот человек с бородкой!

— Он самый, — ответил парень.

Рассказали крестьяне про их разговор с Владимиром Ильичем. Рассмеялся рабочий.

— Значит, старшого искали. Того, кто нынче Россией

правит? А что,— задумался парень.— Верно ответил товарищ Ленин. Так если вам к Ленину, ступайте на третий этаж.

Подхватили крестьяне свои котомки.

— Ну и ну,— заявил один.— Непонятное что-то.

— Чудное,— согласился второй.

Смотрят они на третьего, самого старого. Однако третий стоит и молчит. Думает самый старый. Морщины, как волны, легли на лоб.

— Как же это понять, Афанасий Данилович?— полезли к нему крестьяне.

— Как? Как сказано, так и понять,— ответил старик и вдруг просиял улыбкой.

Поднялись крестьяне на третий этаж, подошли к кабинету Ленина.

— Вам к кому?— спросил секретарь у входа.

— К товарищу Ленину.

— Как доложить?

Глянул старик на своих, для пущего веса крякнул, вытер усы ладонью:

— Скажи, что пришел старшой. Тот, кто нынче Россией правит.

НЕСОГЛАСНЫЙ

Крестьяне села Завидовки сдавали государству зерно. Сдали, а затем сообразили, что взяли с них лишку. Время было тяжелое, голодное, с едой плохо. Хлеб ценился дороже золота. Написали крестьяне в уезд. Им не ответили.

— К Ленину нужно, к Ленину,— шумел Иван Хомутов.— Ленин решит с пониманием. По закону Владимир Ильич рассудит.

Неловко крестьянам тревожить Ленина. Заколебались они.

— Да что там того зерна!

— Проживем без него, протянем...

— Э-эх,— не умолкает Иван Хомутов.— Кабы дело в одном зерне. Главное, мужики, в справедливости.

Убедил Хомутов крестьян. Избрали они делегатов — Хомутова, Петрова, Сизова, послали к товарищу Ленину.

Едут делегаты в Москву.

— Как Ленин решит, так, стало, тому и быть,— рассу-

ждает в пути Хомутов.— У меня согласие с Лениным полное.

Принял Ленин крестьян, выслушал:

— Да, время у нас тяжелое, чрезвычайно тяжелое.

Насторожился Иван Хомутов. «Ой, не зря говорит про такое товарищ Ленин».

— Тяжелое, но не безнадежное,— продолжает Владимир Ильич.— Страна, бесспорно, преодолеет все трудности, и товарищи крестьяне, уверен, нам в этом помогут.

«Так и есть,— понимает Иван Хомутов.— Откажет Ленин в крестьянской просьбе».

И вдруг:

— Что же касается вас,— сказал Владимир Ильич,— то тут право полностью на вашей стороне. Лишний хлеб, взятый у вас, подлежит возврату.

Составил Ленин бумагу в уездный совет, отдал ее делегатам.

Поклонились крестьяне.

Торжествует Иван Хомутов:

— Ну! Видели! Слышали! То-то! Оно-то! У меня согласие с Лениным полное.

В те годы рабочие и крестьяне, приезжавшие по разным делам в Кремль, часто получали талоны на обед в столовую Совнаркома. Получили их и завидовские делегаты.

Довольны крестьяне: и с Лениным повидались, и обед им будет сегодня на славу.

— Интересно!— поглаживает усы Иван Хомутов.— Это тебе ни щей пустых похлебать, ни кашу-размазню скушать. То-то будет о чем рассказать в деревне.

Пришли делегаты в столовую, приносят им первое. Глянули крестьяне — щи. Попробовали — жидкие, кислые. Вместо мяса по кусочку ржавой селедки плавает.

— Вот те и раз,— подивились крестьяне.

Приносят второе. И надо же — каша-размазня на второе. Без единой жиринки, на воде каша.

Хотели крестьяне достать из мешков привезенного сала, да постеснялись.

Поели, вышли из столовой крестьянские делегаты.

— Э, да это, видать, другая столовая,— сказал Иван Хомутов.— Это не совнаркомовская.

Отошли они шаг от двери, видят, по коридору идет Владимир Ильич. Идет быстро, пиджак нараспашку. Поравнялся:

— Как, пообедали?

— Да.

— Вот и отлично. У нас, говорят, каша сегодня превкусная.

«Ну и превкусная,— думает Иван Хомутов.— Может, Ленину будет другая каша».

Прошел Владимир Ильич в столовую. Вернулись крестьяне к двери, смотрят за Лениным в щелку. Любопытно — что принесут на обед товарищу Ленину.

Смотрят и видят — несут Владимиру Ильичу все те же самые совнаркомовские щи, а следом за ними все ту же кашу.

— Вот так дела!— не сдержался Иван Хомутов.

Вернулись делегаты к себе в Завидовку.

— Ну как, принял вас Ленин?

— Принял.

— Просьбу уважил?

— Уважил.

— Бумагу дал?

— Дал.

Показали делегаты крестьянам бумагу.

Рады крестьяне:

— Снаряжай телеги, давай в уезд. Спасибо товарищу Ленину. Верно решил, по справедливости.

И вот тут-то:

— Нет, мужики,— покачал головой Хомутов.— Не было здесь справедливости.

Уставились крестьяне на Хомутова.

— Не было,— повторил Хомутов.— Несогласный я с Лениным.

— Ну и ну! Ну и слова! Что такое?— не могут понять крестьяне.— Может, в дороге Иван рехнулся. Может, он с радости просто пьян? Сам же больше других кричал и сам же, выходит, против.

Расшумелись крестьяне.

— Да тише вы, тише,— оборвал Хомутов.— Сало едите?

Переглянулись крестьяне:

— Едим...

— Хлеб в закромах считай что имеется?

— Ну, скажем, имеется.

— С голода вроде пока не пухнете?

— Нет,— отвечают крестьяне.

— То-то!

Рассказал Хомутов про обед в совнаркомовской столовой.

Смутились, притихли крестьяне.

— Нет, неверно, что Ленин бумагу дал. Несогласный я с Лениным. Несогласный,— повторил Хомутов.— Не было в том справедливости.

РАЗ, ДВА, ТРИ

Редко удавалось Владимиру Ильичу оторваться от срочных и важных дел.

И все же — нет, нет — выкроит Ленин время, сядет в автомобиль, уедет за город куда-нибудь прямо в лес.

Выйдет Владимир Ильич из машины, снимет кепку, заложит руки за спину, пойдет бродить между берез и елей.

Идет Владимир Ильич не торопясь. Увидит белку, остановится, на белку посмотрит. Услышит птичий щебет, подымет голову, смотрит на птиц. Ползет по траве букашка. На букашку Владимир Ильич посмотрит. На гриб залюбуется, на нехитрый лесной цветок. Все интересно Ленину. Отдыхает в такие минуты Ленин.

Походит Владимир Ильич по лесу, вернется в Москву. Снова садится работать до поздней ночи.

В одну из прогулок, выйдя в лесу на поляну, Ленин увидел девочку.

Девочка маленькая. С чужого плеча пальтишко. Из-под платка косичка на мир глядит. Стоит она у березы и горько плачет. Держит в руках лукошко. В лукошке гриб, всего один — подосиновик.

— Ты что же плачешь?— спросил Владимир Ильич.

Не ответила девочка. Даже сильнее еще заплакала.

— Ну вот, такая большая девочка,— покачал головой Владимир Ильич.— Не стыдно тебе?

Не помогло.

Видит Ленин — упрямая девочка. Порылся Владимир Ильич в кармане, наклонился к лукошку:

— Раз, два, три — появись на дне орех!— И смотрит на дно лукошка.

Девочка заинтересовалась. Стихла. Заглянула она в лукошко, правда — лежит орех.

«Вот это да!» — поразилась девочка. Вытерла слезы, смотрит удивленно на Ленина.

— Как же тебя зовут?— спросил Владимир Ильич.

— Варя.

— Что же, Варя, с тобой случилось?
— Заблудилась,— прохныкала девочка.
— Где же твой дом?
— Я из Мироновки.
— Не тужи. Разыщем твою Мироновку.

Взял Ленин Варю за руку, повел чуть заметной тропкой к автомобилю.

Идут они лесом.

— А где же твои грибы?

Неудачлива Варя. Не попались Варе в лесу грибы. Пусто в ее лукошке.

— Нехорошо возвращаться домой с пустыми руками,— сказал Владимир Ильич.— Это дело надо поправить.

Свернул Владимир Ильич с тропинки, остановился и вдруг:

— Раз, два, три — появись-ка белый гриб!

Глянула девочка, верно — гриб. Гриб боровик. Толстая ножка, мясистая шляпка, под дубком, как солдат, стоит. Наклонилась Варя, а рядом еще один гриб, чуть дальше стоит и третий. За третьим еще и еще. Собрала их девочка — полно лукошко. Смотрит удивленно на Ленина.

Прошли они лесом еще немного. Остановился Ленин, хитро глаза сощурил и вдруг:

— Раз, два, три — появись автомобиль!

Глянула Варя за куст, за елку. Ну и чудо, чудо из всех чудес — стоит на полянке автомобиль.

— Что же, садись,— сказал Владимир Ильич и открыл перед Варей дверцу.

Лезет Варя, торопится.

Покатил автомобиль сначала по лесной дороге, потом полем — с бугра на бугор. Поворот. Вот и мелькнула Мироновка.

Только не рада Варя теперь Мироновке. Жалко ей, что вот и кончается все.

Довез Ленин девочку до самой околицы, помахал на прощанье рукой, уехал.

Прибежала Варя домой, рассказала, как заблудилась она в лесу, как появился потом в лесу незнакомый ей человек. Про чудеса рассказала: про автомобиль, про грибы, про орех.

— Он все, что желаешь, может,— шептала Варя.— Вот он какой человек.

Долго потом гадали в Мироновке, какой же такой человек Варю из лесу вывел.

ПОДВЕЛ

Матвей Торопыгин впервые попал в Москву. Парень он был молодой, проворный. Походил по Охотному ряду, по Тверской, по Неглинной, а потом решил, что можно теперь и в Кремль.

В Кремле в то время была парикмахерская. Правда маленькая. Заметил ее Торопыгин. И вот захотелось Матвею в Кремле побриться. Память, решил, какая!

Вошел он, уселся на стул. Парикмахер был занят, пришлось дожидаться.

Прошло минут пять. Вдруг скрипнула дверь. Поднял Матвей глаза: на пороге — товарищ Ленин.

Подскочил Торопыгин. Застыл, как столб, руки к бедрам прижал по-солдатски.

— Здравствуйте. Что же вы встали? Садитесь,— сказал Владимир Ильич.

Не решается Торопыгин.

— Садитесь, товарищ,— улыбнулся Владимир Ильич.

Наконец опустился Матвей на стул, правда, робко, на самый краешек. И Ленин сел на рядом стоящий стул, глянул на парня:

— Вы из деревни?

— Да,— ответил, краснея, Матвей.

— Разрешите узнать, откуда?

— Вяземский.

— А поточнее?

— Деревня наша Анисовка.

— Так, так,— произнес Владимир Ильич.— Как же у вас в Анисовке? Не обижает вас новая власть? Как в этом году озимые? Есть ли школа у вас на селе? Приходят ли к вам газеты? Слушаю вас. Прошу поподробнее.

Соображает Матвей, с чего же начать, как лучше ему ответить. «Не обижает»,— сказал про Советскую власть. «Уродятся»,— заявил про озимые. «Школы пока еще нет, но на тот год непременно будет».

Но тут разговору их помешали — освободилось у парикмахера кресло.

— Пожалуйста,— обратился Владимир Ильич к Матвею.— Прошу вас, садитесь.

Растерялся Матвей.

— Да я. Да что же. Да я подожду.

— Нет, нет,— отвечает Ленин.— Очередь ваша.

— Мне же не к спеху, Владимир Ильич.

— Не спорьте!

Глянул Матвей на парикмахера. Однако тот к такому, видать, привычный. Стоит, слегка улыбается. Глянул на Ленина:

— Владимир Ильич, да я подожду. Как-то оно неудобно...

— Удобно, удобно,— ответил Ленин.— Садитесь, не тратьте время. У меня тут дельце одно имеется.

Достал Владимир Ильич из кармана журнал, раскрыл и даже отвернулся от Торопыгина, чтобы лишний раз того не смущать.

— Проходите,— сказал парикмахер.

Что оставалось Матвею делать, уселся бедняга в кресло. Уже и не рад, что зашел сюда. Сидит, словно не кресло под ним, а шило. Скорей бы побриться — только об этом и думает.

Кончил бритье парикмахер. Схватился Матвей за шапку.

— Ну вот, теперь моя очередь,— весело сказал Владимир Ильич.— А вы помолодели, батенька. Эка какой красавец. Привет от меня вяземским.

Вернулся Торопыгин к себе в Анисовку.

— Ну и ну,— поражались крестьяне.— Ленина видел!

— Какой он? Что говорил?

— Привет нам? Вот это дело!

— Ну, а где ты товарища Ленина встретил?

Рассказал Торопыгин.

— Давай поподробнее.

Рассказал поподробнее.

Насупились вдруг крестьяне.

— Места не уступил? Ах ты, мозги конячьи!

Матвей уж и так и этак. Мол, так получилось. Мол, и сам он такому совсем не рад.

Да где уж. И слушать его не хотят крестьяне.

— Опозорил, злодей, опозорил! Анисовку всю подвел. А то и шире бери — все трудовое крестьянство.

А дело в том, что в эти дни в Анисовке избирали сельский Совет. Намечался в Совет и Матвей Торопыгин. До этого все стояли горой за Матвея. Но теперь...

Как только собрался крестьянский сход.

— Не желаем,— вдруг закричали крестьяне.— Не желаем. Он места Ленину не уступил. Не желаем!

Так и не избрали Матвея в Совет.

Подвел Матвея товарищ Ленин.

НОВЫЕ ВАЛЕНКИ

Должность у Кати была маленькая-маленькая — «куда пошлют» называлась. Работала она посыльной в одном из советских учреждений.

Вызвал однажды Катю к себе начальник, вручил важный пакет, наказал срочно идти в Кремль, передать пакет лично товарищу Ленину.

Отправилась Катя. Идет, торопится. А сама все время на свои валенки посматривает.

Валенки у нее старые, старые, с дырками. Отжили они свой век. Истоптала их Катя, бегая по разным учреждениям.

Неловко Кате в таких валенках являться к Владимиру Ильичу. Да что поделаешь. Трудно в те годы было с обувкой.

Правда, мог бы о Кате позаботиться ее начальник. Только ведь начальник постоянно разными важными делами занят. Где ему думать о Катиных валенках.

Пришла Катя в Кремль. Пропустили ее в кабинет к Владимиру Ильичу. Передает Катя пакет товарищу Ленину, а сама старается сделать так, чтобы Владимир Ильич не обратил внимания на ее валенки.

Думала Катя, передаст пакет и сразу уйдет. Однако Владимир Ильич задержал девушку. Стал он интересоваться, давно ли Катя работает. Где училась, сколько классов окончила. Есть ли у Кати родители.

Ответила Катя Владимиру Ильичу на его вопросы, простился Ленин с девушкой, пожелал ей успехов.

Довольна Катя. Казалось ей, что Ленин так и не заметил, какие у нее на ногах валенки.

Однако Владимир Ильич заметил. Снял Ленин тут же телефонную трубку, позвонил Катиному начальнику, пристыдил того, что начальник плохо заботится о своих подчиненных.

Прошло два дня, и вот вызывают Катю опять к начальнику. Переступила Катя порог кабинета и замерла: в руках у начальника валенки — новые, фетровые, с галошами.

— Ну что же, бери,— сказал начальник растерявшейся Кате.

Смутилась Катя, не решается шаг сделать.

— Бери,— рассмеялся начальник.

Взяла Катя валенки, побежала вниз, примерила. Оказались они точь-в-точь по Катиной ноге.

Идет Катя в обнове по морозным московским улицам. Хрусть-хрусть под ногами снег.

— Вот какой чудесный у нас начальник,— сама с собой рассуждает Катя.— Вот какой он у нас внимательный.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

— Ну вот теперь уже все,— улыбнулся Владимир Ильич,— теперь уже, батенька, наверняка.— Ленин сел в автомобиль, хлопнул дверкой, помахал рукой Надежде Константиновне. Машина тронулась.

Владимир Ильич отправился на охоту. Не раз за последние месяцы Ленин собирался уехать за город, побродить по лесам с ружьем. Да все мешали дела. Срывались всегда поездки.

Но сегодня... Нет, изумительный нынче день. Ничто не мешает Ленину. В лес, на охоту, на природу едет Владимир Ильич.

Зима. Искрятся до боли в глазах поля. Бегут вдоль дороги столбы, перелески. Мелькнет покрытый ледком ручей. Встречный лихач пронесется. Деревенские домики из-под укутанных снегом крыш, словно кто-то большой нахлобучил им белые шапки, оконцами глянут. Снова поля. Опять перелески. Все плотнее подходит к дороге лес.

Сидит Владимир Ильич, отдыхает.

Приехал Ленин в Верейский уезд, в деревню Моденово. Оставил в селе машину, вынул ружье, с провожатым отправился в лес.

Идет Владимир Ильич по селу, кого не увидит:

— Здравствуйте!

К одному:

— Хорошо ли работает сельский у вас Совет?

К другому:

— Как у вас нынче с солью?

Интересуется жизнью крестьянской Ленин. Отвечают крестьяне, а сами: «Кто же это такой приехал?»

Верейский — далекий, глухой уезд. Кто же сюда пожаловал?

И вдруг:

— Ленин приехал!

— Ленин приехал!

Набатом рванула весть по селу. Полетела к соседям в другие деревни.

Идут Владимир Ильич и его провожатый по зимнему лесу. Ружья несут в руках. День погожий. Не так чтобы очень морозило. Солнце стоит на небе. А ночью была пороша. Любой след на снегу — новый недавний след. Для охотника — лучшее время.

— Будто бы словно для вас,— говорит провожатый.— Угодила, Владимир Ильич, погода. Вот тут, еще с полверсты и самое лучшее место. От поворота пойдем налево, и...— провожатый взмахнул рукой, мол, вот там-то и будет сама охота.

Подошли к повороту. Вдруг слышат сзади шаги, будто кто-то бежит по следу. Оглянулись Владимир Ильич и напарник. Видят — два парня. Оба от быстрого бега в поту. Оба устало дышат. Остановились парни.

— Товарищ Владимир Ильич, разрешите, мы к вам.

— Слушаю вас, товарищи.

— Мы из села,— объясняют парни.— У нас к вам, Владимир Ильич, задание. Просьба у нас от села,— и тянут Ленину лист бумаги.

Взял Владимир Ильич бумагу, развернул, улыбнулся, читает: «Вождю всемирной революции товарищу Ленину от имени граждан деревни Моденово». А ниже: «Просим вас к нам на беседу».

Посмотрел Владимир Ильич на парней, глянул на провожатого.

— Ну и народ,— проворчал провожатый.— Да что они словно репей. Совести нет.— Повернулся к парням:— Товарищу Ленину отдых нужен.

Опустили посыльные головы. Хотели извиниться, уйти.

— Нет-нет,— остановил их Владимир Ильич.— Подождите. Ведь я еще ничего не ответил. А записка, простите, если я правильно понял, адресована именно мне.

— Вам, вам,— оживились посыльные.

— Вот что,— сказал Владимир Ильич,— ступайте в деревню, скажите Ленин согласен, благодарит за внимание, передайте, что скоро будет.

— Спасибо!— крикнули парни и помчались назад в Моденово. Повернул к деревне и Владимир Ильич.

— Э-эх,— вздохнул провожатый.— День-то сегодня какой. Зайцы над нами небось смеются.

— Смеются?! — развеселился Владимир Ильич.— Ну что же, пусть зайцам сегодня живется. Примечательная все-таки это черта: интерес ко всему в народе. Я не в праве ответить отказом.

Примчались парни в деревню.

— Ну как?

— Прийдет, прийдет. Уже следом идет!

— Да ну! Вот это по-ленински.

Собрались крестьяне в избе у Прасковьи Афанасьевны Кочетовой. Набилось полно народу. Свои. Из других деревень набежали. Все рвутся послушать Ленина. Не все поместились. Кто в сенцах, кто просто у входа жмется.

Прибыл Ленин. Рассказал о военных делах страны, о том, что Врангеля скинули в море. О том, что с хлебом трудно пока державе. Но и это страна осилит. Что транспорт везде разрушен. Но найдутся рабочие руки — вот только врага изгоним. А потом о великом и дивном плане — об электрификации всей России.

Застыли, словно во сне, крестьяне. Каждое слово душою ловят.

Кончил Владимир Ильич доклад. За докладом пошла беседа. Вопросы, ответы, опять вопросы. Получилось както, словно в избе и не Ленин, а между собою крестьяне ведут разговоры.

За окном стало темнеть. Короток день по-зимнему. В полном разгаре идет беседа.

Ждет в Москве Надежда Константиновна Владимира Ильича.

— Ну вот, наконец-то Владимир Ильич отдохнул,— радуется.— Походил по полям, по лесу. Погода какая выдалась.

Вернулся Владимир Ильич домой. Вошел возбужденный, довольный.

— Правда, Володя, прекрасный сегодня день!

— Удивительный!— ответил Владимир Ильич.

СТАРЫЕ ДВОРИКИ

Пожар полыхал целый день. А к вечеру от Старых двориков остались лишь трубы и печи. Избы сгорели, амбары сгорели. Бани и те в огородах сгорели. Погибло все: сундуки и полати, столы и иконы, телеги и сани. А самое страшное — весь урожай сгорел.

Редко такое бывает. А тут — на вот тебе, случилось.

Остались одни погорельцы. Собрались они на ужасном своем пепелище. Режет воздух бабий протяжный вой.

Кто же беде поможет?

С бревнами плохо — округа у них не лесистая. Да скоро ли наново все построишь. А гвозди — где взять, а железо? А как же быть с хлебом? Двести голодных ртов! Осень к тому же стучится в двери.

— К Ленину нужно, к Ленину. Он единый заступник в таком несчастье.

Кто-то крикнул и тут же осекся.

— Да откуда у Ленина бревна!

— Да где это видано, чтобы хлеб из Москвы в село?!

— И все же, сограждане,— к Ленину,— нашелся еще один.— Расскажем, а там как присудит.

Добрались крестьяне к Ленину. Держат речь о своей беде. Взволнованно слушает Ленин.

— Скажите, как дети?

— Покамест в соседних селах.

— А как остальные?

— Землянки роем, с бревнами плохо, Владимир Ильич.

— Ну, с этим мы вам поможем. Сложнее быстро построить избы. Как вы управитесь?

— Нам бы лишь бревна. А там уже даст бог.

— Тут бог ни при чем. Не поможет. Не даст,— Ленин задумался.— Скажите, квартируют в вашем уезде военные части?

— Пулеметные курсы в уезде есть.

— Вот это уже солиднее. В зерне тоже вам не откажем. Дадим, но минимальную норму. Прежде всего для посева.

— Благодарствуем,— кланяться стали крестьяне.— Спасибо вам от всего села.

— Рано, рано,— остановил их Владимир Ильич. Снял телефонную трубку:

— Тут крестьяне в большой беде.— И дальше — про бревна.

Повесил. Снова снял телефонную трубку.

— Тут крестьяне в большой беде.— И дальше — про пулеметные курсы.

В третий раз позвонил Владимир Ильич и распорядился в отношении хлеба.

— Ну вот теперь все,— сказал Владимир Ильич.— Надеюсь, все будет у вас в порядке.

Опять с благодарностью лезут крестьяне.

— А вот этого вовсе не надо,— прерывает их Ленин.— Это мой долг. Если хотите — моя обязанность и перед вами, и перед рабоче-крестьянской властью. Еще раз успехов желаю, товарищи.

Вскоре в Старые дворики прибыли обещанные лес и хлеб. А следом за ними и рота с уездных курсов. Взвизгнули пилы, ухнули топоры. Дружно пошла работа.

Месяц — и вновь народилось село. Стоит оно новое, новое. Красуется избами ладными в ряд.

Собрались у изб крестьяне.

— Да какие же это Старые дворики — новое нынче у нас село. Ему и название нужно новое.

— Верно,— шумят крестьяне.

Пошли предложения:

— Новые дворики.

— Новые дворики.

— Светлые дворики.

— Не то, не то,— идут голоса.— Хорошо, да не то. Не самое меткое.

И вдруг:

— Дворики Ленинские,— выкрикнул кто-то.

— Вот теперь то!— торжествуют крестьяне.

Нет Старых двориков. Дворики Ленинские на том месте теперь стоят.

ОПЕРЕДИЛ

Ленька купался в Пахре. В это время на берегу реки появился Ленин. По строгому приказу врачей прибыл Ленин в Горки на срочный отдых.

Засмотрелся Владимир Ильич на Леньку — уж больно ловко мальчишка плавал. Кувыркался в воде, нырял. Ложился на спину. Скользил по течению, против. От берега к берегу и снова назад возвращался без всякого отдыха.

И Ленька заметил Ленина. Только не знал он, что это Ленин. Приехал Ленька в Горки недавно, принял Владимира Ильича за простого дяденьку.

Когда мальчик вылез на берег, Ленин спросил:

— Ну, как вода?

— Мокрая,— буркнул Ленька.

Был мальчишка неразговорчивым.

— Значит, мокрая,— усмехнулся Владимир Ильич. Однако мальчик чем-то ему понравился.

Сел Ленин на травянистый пологий склон, глянул на воду, на Леньку, снова на воду, потом повернулся к мальчишке и вдруг сказал:

— Давай наперегонки.

— Можно,— важно ответил Ленька.

Ленька отлично плавал. Но и Владимир Ильич был прекрасным пловцом. Он же волжанин. Редко кому удавалось в воде обогнать Ленина.

Поплыли Владимир Ильич и Ленька. И случилось вдруг так, что мальчик Ленина опередил.

Возвращался домой Владимир Ильич огорченным.

— Плохи наши дела. Сдаем. Стареем... Стареем. Силы уже не те.

Испортил Ленька в тот день настроение Ленину.

Сам же Ленька весьма доволен. Вернулся он в Горки и всем рассказал, что обогнал на Пахре городского дяденьку.

— Да каков он?— полезли ребята.

— Да так невысокого роста, среднего.

— С бородкой?

— С бородкой.

— С усами?

— С усами.

— Лоб высокий, считай в две ладони?

— Эге.

— Вот так дяденька,— закричали ребята.— Это же Ленин!

У Леньки так и раскрылся рот.

Неловко тут стало Леньке: и Ленина обогнал, и разговаривал с ним не очень приветливо. Решил он исправить свою оплошность.

На следующий день мальчик снова помчал на Пахру. Крутился там до самого вечера. Но Ленин не появился.

Больше недели Ленька ходил к реке. Лишь на десятый день мальчик снова увидел Ленина.

— Ну, как вода? — спросил Владимир Ильич.

— Теплая,— закричал Ленька.— Теплая. Страсть какая теплая. Владимир Ильич. Аж горячая!

— Значит, горячая,— усмехнулся Владимир Ильич.

Хочется Леньке заманить побыстрее Ленина в воду.

— Распрекрасная нынче вода. Пуховая...

Договорились Ленин и Ленька снова попробовать силы вперегонки. Бросили в воду палку. Поплыли. Ленька только того и ждал.

Плывет Ленька, а сам норовит так, чтобы отстать, но делает это незаметно, чтобы себя не выдать. Для пущей убедительности тяжело дышит.

Но все же Ленин заметил. Повернулся он к Леньке:

— Ты что-то хитришь!

— Да что вы, Владимир Ильич,— уверяет Ленька.
Врет, самому Ленину врет и не краснеет.
Понимает Ленин, что Ленька врет. Решил уличить мальчишку.
Поплыл Владимир Ильич чуть тише. Смотрит, и Ленька — чуть тише. Ленин взял и еще потише. И Ленька снова замедлил плав. Плывут они так и чем ближе к палке, тем тише и тише. Вот-вот остановятся.
Остановился Ленин и к Леньке.
— Вот и попался!
Понимает Ленька, что он попался, потупил взор.
— Нехорошо это, Леня,— уже потом на берегу сказал Владимир Ильич.— Нехорошо. Придется нам повторить.
Снова бросили палку. Снова поплыли. Ясно Леньке — не получился его обман. Пришлось плыть в полную силу. Плывет он и что же? Отстает мальчишка от Ленина. Поднажал Ленька, хотел обогнать Владимира Ильича, видит — не может. Еще сильнее забил руками — снова не может. Уже не прикидывается, а на самом деле пыхтит-гудит, а все же догнать Ильича не может.
Не угнался за Лениным Ленька. Сконфузился, сник мальчишка.
Возвращался домой Владимир Ильич довольный.
— Значит, наша еще не сдает. Значит, наша еще поборется...
Идет Владимир Ильич по тропке:
— Это же просто отлично. Значит, можно закончить отдых. Есть еще порох в пороховницах.
Зато Ленька плелся домой смущенным. Хотя и получилось так, как мальчишка того хотел — уступил же он первенство Ленину. Да все же... Эх, не так представлял себе Ленька это.

«СТЕПА-А-АН МАРКЕЛЫЧ!»

— Владимир Ильич!
Ленин не отзывался.
— Влади-и-мир Ильич!
Снова молчание. Лишь ветерок что-то промямлил в еловых лапах.
Старик крестьянин Степан Маркелыч, сопровождавший Ленина на охоте, заволновался.
Он с тревогой глянул по сторонам, вытянул шею, прислушался.

Разошлись они с Лениным час назад. Договорились встретиться вот здесь на просеке, у старого вяза. Прождал Маркелыч двадцать минут, а Ленина нет и нет.

— Влади-и-мир Ильич!

Нет Ленина.

«Что бы такое»,— теряется в догадках Степан Маркелыч. Знает он, что Ленин очень точен во времени. Заплутал, наверное, Владимир Ильич. А может, что-то случилось. Нечего ждать. Надо идти на поиски.

Ушел старик, а через несколько минут появился у вяза Ленин. Посмотрел — нет в условленном месте Маркелыча.

«Что бы такое»,— подумал Ленин. Знает Владимир Ильич, что Маркелыч человек аккуратный. Значит, что-то случилось. Встревожился Ленин. Походил он немного у вяза. Нет. Надо идти на поиски.

Идет Ленин по лесу:

— Степан Маркелыч!

Остановился. Прислушался.

— Степа-а-ан Маркелыч!

И Маркелыч по лесу ходит. Только в другой его части.

— Владимир Ильич! — звенит стариковский голос.— Влади-и-мир Ильич!

Не разыскал Маркелыч Владимира Ильича, решил снова вернуться к вязу.

И Владимир Ильич не нашел Маркелыча и тоже решил повернуть назад.

Только поравнялся старый крестьянин с вязом, смотрит, из ельника на просеку выходит Ленин.

У старика при виде Владимира Ильича словно камень скинули с шеи.

И Ленин вздохнул наконец облегченно — цел, невредим Маркелыч.

Неудобно стало Владимиру Ильичу за свою тревогу. Мало ли куда мог отлучиться его провожатый. Решил он скрыть, что искал Маркелыча.

И старику неудобно выказывать свое беспокойство. Делает вид, что вовсе не отходил никуда от вяза.

— Простите, Степан Маркелыч,— сказал Владимир Ильич.— Не сердитесь. Представьте себе — лесом залюбовался.

— Да что вы, Владимир Ильич,— отвечает старик.— Какой уж здесь счет. Да я на дятла тут засмотрелся. Ить, паршивец, все стук да стук.

— Вот и отлично,— сказал Владимир Ильич.

Доволен Ленин, что скрыл от Маркелыча свое беспокойство. И Маркелыч доволен, что свое беспокойство не выдал.

Однако потом, когда они двинулись дальше по просеке, старик не выдержал и признался:

— А я вас искал, Владимир Ильич.

— Да что вы говорите,— поразился Ленин.— Искали?!

— Все думал — беда какая.

— Эка какой беспокойный вы, батенька, человек,— произнес Владимир Ильич.

— Беспокойный,— признался Степан Маркелыч.

Ленин заулыбался.

Глянул старик на Ленина. «Что бы такое? Кажись, смешного ничего не сказал. Чему улыбается Ленин?»

АРБУЗЫ

Все лето Мишатка растил арбуз. И Родька тоже растил арбуз. Жили они по соседству.

Вначале птиц с огорода гоняли, все боялись как бы птицы завязь не склюнули. Потом, а лето в тот год было жаркое, жаркое, с ведрами к речке бегали и иссохшую землю водой поили. Затем целыми днями в лопухах при огородах сидели — караулили, чтобы мальчишки арбузы не срезали.

Грелись арбузы на солнышке и не знали того, что у Мишатки и Родьки была тайна. Растили мальчишки арбузы в подарок товарищу Ленину.

Уродились они огромными. Весом в полпуда каждый. Довольны ребята. Стали собираться они в Москву.

Где находилась Москва, Мишатка точно не знал.

— Она вон там,— объяснял Родька,— за тем полем, за тем лугом, за тем лесом. Недалеко. Верст двадцать.

А на самом деле от этих мест до Москвы было без малого тысяча верст.

Незаметно от родителей насушили ребята на дорогу сухарей. Родька стянул из кладовки полоску сала. Мишатка вынул из-под наседки пару яиц.

Собрались ребята. Но тут... Надо такому случиться!

Не досчиталась Мишаткина мать под наседкой яиц. Заметила Родькина мать, что не хватает в кладовке сала.

Сообразили они, где искать виновных.

Поначалу, конечно, мальчишки во всю отпирались. Твер-

дили, что тут-то они ни при чем — в курятник не лазили, сало не трогали. Но здесь появились отцы. Дело плохим запахло. Кончилось тем, что признались во всем ребята.

И вдруг.

— А ведь верно,— сказали родители,— наши кубанские арбузы — чем не подарок товарищу Ленину.

Всем в станице понравилась эта мысль.

Решили станичные жители обязательно отправить арбузы Владимиру Ильичу. Снарядили в Москву посыльного. Повез он Родькин и Мишаткин подарок товарищу Ленину.

Владимир Ильич долго смотрел на степных красавцев, щелкал их пальцем, отходил, скашивал голову — все любовался.

— Хороши, хороши,— приговаривал Ленин.— Это же просто чудо.

Просил Владимир Ильич передать от него ребятам привет и сердечную благодарность.

То-то гордились потом ребята. Да что ребята — вся станица таким гордилась.

И только одно смущало мальчишек: чей же арбуз оказался слаще.

Мишатка уверял, что, конечно, его арбуз.

Родька же спорил, кричал:

— Нет мой. Мой непременно слаще!

Хотели ребята послать письмо товарищу Ленину, попросить, чтобы Владимир Ильич ответил.

Хотели, но не решились.

Правильно сделали. Ну что бы ответил ребятам Владимир Ильич. Он же арбузов тогда не попробовал. Ленин вспомнил других ребят. Полюбовался Владимир Ильич арбузами и отправил их в детский дом, в рабочий район Хамовники.

БАЛАМУТ

Однажды Ленин получил письмо:

«Дорогой Владимир Ильич, прими от нас крестьянский поклон, а к Октябрю будет тебе подарок».

— Ну вот, снова подарок,— огорчился Владимир Ильич.

Что за подарок, крестьяне пока не писали. Решили держать в секрете.

— Оно же всегда интереснее, когда наперед не знаешь, какой для тебя гостинец,— рассуждали крестьяне.

Подарок же был обычный. Решили мужики к Октябрь-

ской годовщине послать Владимиру Ильичу мяса и сала.

Довольны крестьяне своим решнием. Да только как всегда в любом деле обязательно найдется какой-нибудь баламут. Оказался такой и здесь — бывший красноармеец, буденновец Селиверст Дубцов.

— Э-э, безголовые,— ворчал он на мужиков.— Разве это подарок!

— А что? — отбивались крестьяне.— Владимир Ильич тоже, считай, человек. Что он пищей другой питается? Сало ему в самый раз.

— Сало,— усмехнулся Дубцов.— Фантазии нет.

— Баламут, как есть баламут,— ругались крестьяне.

Целую неделю не давал Дубцов мужикам покоя. Ходит, твердит:

— Фантазии нет. Фантазии нет. Заместо голов место у вас сидячее.

Обозлились крестьяне, явились к Дубцову.

— Ну-ну, расскажи про свою фантазию.

И тут вдруг Дубцов заявил такое, отчего на крестьян напал такой хохот, что окна в избе задрожали.

Предложил Дубцов собраться крестьянам, кирки, лопаты в руки и, не мешкав, проложить до станции (а это без малого девять верст!) дорогу.

— Дорогу! — хохотали крестьяне.

— Да на кой она Ленину!

— Выходит, самим же себе подарок.

— Баламут, вот баламут, а еще буденновец!

Но потом, через несколько дней, когда насмеялись крестьяне вволю, вдруг кто-то робко в селе сказал:

— А что, мужики, может, и верно. Может, одобрит дорогу товарищ Ленин.

— Может, и верно,— заколебались теперь крестьяне.

— Не может, а точно,— гудел Дубцов.

Уговорил все же Дубцов крестьян.

Собрали мужики баб, стариков с печей посгоняли, и за работу. Как раз к Октябрю и управились. Даже мосток через речку Каменку и тот навели.

Написали крестьяне Владимиру Ильичу письмо, поздравили с праздником, а в конце указали и про дорогу. Мол, как хочешь, так и понимай, а дорога эта вроде как наш для тебя подарок. Не взыщи, если не угодили. Виною всему баламут Селиверст Дубцов, бывший буденновец.

Вскоре прибыл ответ.

«Угодили, угодили»,— значилось в том ответе. Владимир

Ильич писал, что подарок от крестьян замечательный. Что лучшего ему и не надо. Кончалось же письмо от Ленина тем, что эта дорога в девять верст еще один шаг страны к коммунизму.

Читают крестьяне:

— Вот это да!

— Ну и ответ!

— Вон оно как повернул Ленин!

— Оно бы, пожалуй, стоило Владимиру Ильичу,— рассуждают крестьяне,— и к Маю какой подарок...

ЛЕНИНСКАЯ ДЕСЯТИНА

— Ленина, Ленина не забудьте, Володимира Ильича,— кричал при разделе барской земли Иван Переплетов.

Да разве крестьяне забудут. Еще с вечера они решили включить в число наделяемых Ленина.

— Правильно.

— От него все пошло.

— Пусть и он землицей попользуется.

Долго выбирали участок. Старались — чтобы получше. Спорили, где, с какой стороны села. Выбирали так, чтобы не очень сыро, не очень сухо, чтобы суглинок с примесью чернозема. Отмерили десятину. Написали в Москву письмо. Мол, приезжай, Владимир Ильич, вступай во владение.

Вскоре прибыл ответ.

Ленин благодарил крестьян за внимание. Просил его извинить. Не сможет он заняться сейчас хлебопашеством. В Совете Народных Комиссаров много у Ленина разных дел. Кончалось письмо тем, что Ленин советовал крестьянам поступить с десятиной по их собственному усмотрению.

— Это верно, ему сейчас не до земли,— говорили крестьяне.

— Нельзя отрывать от дел государственных.

— А все-таки жаль — хорошее было б соседство.

Успокоились мужики. Вот только задал задачу Ленин: «поступить по собственному усмотрению». Нет бы написать точно, что с десятиной сделать.

Решали мужики, решали. Думали, думали.

Наконец порешили так: десятину никому другому не отдавать, ни между кем не делить. А оставить ее для общего пользования. Обрабатывать ее сообща, сообща сеять, собирать урожай. А затем хранить его в общем амбаре.

Так и поступили.

Умно получилось. Есть в крестьянских запасах общественный фонд зерна. Случится какая беда — общественный фонд выручает.

Недород у Пахомовых. Голодать бы им, залезать в долги, а тут — получай подмогу от Ленинской десятины.

Мало ли нужд у крестьяства. Решил купить молотилку. Не надо бегать по избам — рубли выколачивать. Продали общественный хлеб — везут молотилку.

Или, скажем, соберутся крестьяне:

— А не послать ли рабочим гостинец?

— Послать, непременно послать.

Грузят мешки, пишут письмо: «Хлеб не простой. С Ленинской десятины!»

Прошло десять лет. Стали возникать на селах колхозы. Обобщили крестьяне землю и скот. В общем колхозном поле теперь десятина. Да не затерялась она. Не забыта. Вечна народная память.

Конный ли местом тем едет, пеший идет, любой остановится. И Ленин любому привидится.

То не пар над землей подымается. То не ветер колышет рожь. Это Ленин по полю движется. По колхозной земле идет.

СЕКРЕТНАЯ ПРОСЬБА

От рабочих и крестьян на имя Владимира Ильича поступало много различных посылок. Присылали хлеб, крупу, сахар (с едой тогда было плохо). Приходили и другие подарки. Рабочие-кожевники прислали Владимиру Ильичу тулуп из овчины, вологодские кружевницы — нарядное покрывало, текстильщики из Петрограда — мягкий пушистый плед.

Получая такие подарки, Ленин хмурился.

— Да что вы, Владимир Ильич,— успокаивали Ленина товарищи по работе.— От души ведь идут подарки, от благодарного сердца.

— Так-то оно так,— соглашался Ленин.— А все-таки, понимаете, неудобно, неловко. Это все от старых времен, от старых традиций: барину — носили, попу, простите меня, носили... С этим пора кончать. Кончать,— строго повторял Владимир Ильич.

И вот однажды Ленин получает письмо. Письмо издалека, из Гомельской области, из города Клинцы, от рабочих Стодольской суконной фабрики.

Читает Владимир Ильич письмо, поздравляют рабочие Ленина с приближающейся пятой годовщиной Октябрьской революции, желают хорошего здоровья, а ниже: «...посылаем тебе к празднику... скромный подарок нашей выработки». И пишут, что за подарок — отрез сукна.

Под письмом стоят подписи. Да не две, не три, целых четыреста.

Хотел Владимир Ильич рассердиться. Однако потом передумал. Решил не огорчать рабочих под праздник.

Взял Владимир Ильич перо, бумагу и написал рабочим такой ответ:

«Дорогие товарищи!

Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим...

Ваш В. Ульянов (Ленин)».

Получили в Клинцах ленинское письмо, прочли. Довольны рабочие. Хорошее письмо, теплое, с благодарностью.

Однако пришлось рабочим и призадуматься. Поняли они: не одобряет подарков Ленин. И в отношении просьбы, хотя она и секретная, тоже что к чему разобрались верно. Приняли рабочие просьбу Владимира Ильича как боевой приказ. Всем о ней в Клинцах рассказали. Да не только в Клинцах, а шире — по всей округе.

А как-то один из стодольских рабочих Степан Шерстобитов ездил в родную деревню под самый Минск и там рассказал о ленинской просьбе.

Огорчились, конечно, крестьяне. Как раз собирались они к Новому году послать в подарок Владимиру Ильичу бочонок душистого меда. Однако просьба есть просьба — пришлось крестьянам ее уважить.

Случилось так, что в те же дни и в той же самой деревне был на побывке красноармеец Иван Додонов. Вернулся Додонов в свою часть, привез и туда просьбу товарища Ленина.

Кончился у красноармейцев срок службы, разъехались они по разным селам и городам и тоже на новых местах о секретной просьбе товарища Ленина всем рассказали.

Передавалась эта просьба из уст в уста. Ходила по ближним и дальним местам. Дошла и до наших дней.

Вот и я вам о ней рассказал. И вы в свою очередь тоже о ней расскажете. Только помните — просьба была секретная.

Ну, а подарки? Что же — перестали рабочие и крестьяне присылать подарки товарищу Ленину? Нет. Продолжали.

В чем же тут дело?

Трудно понять. Россия — страна огромная. Может, не все о той просьбе знали. А может, другие какие причины...

ПАМЯТНИК

Крестьяне одной из сибирских станиц решили при жизни поставить Ленину памятник.

Послали они в Москву своих делегатов с наказом получить от Владимира Ильича на то разрешение.

Прибыли делегаты. Принял их Ленин:

— Здравствуйте. Как вы доехали?

— Хорошо,— отвечают крестьяне.

— Как у вас с урожаем?

— Бог не обидел.

— Нет ли перебоев с товарами в ваших местах?

— Завозят, Владимир Ильич, завозят. И ситцу хватает, и гвозди есть, и с мылом нужды не терпим.

— Ну что же, очень приятные вести,— улыбнулся Владимир Ильич— Тогда вопросы мои исчерпаны. Слушаю вас, товарищи.

Рассказали делегаты в чем дело.

— Памятник? — переспросил Владимир Ильич.

— Памятник,— отвечают крестьяне.— Мы уже и камень для фундамента завезли,— сообщили они не без гордости.— И место, Владимир Ильич, хорошее — на вышине. Березы стоят в два обхвата. Речка, желаешь — рядом. Видно — кругом. Так что обижен, Владимир Ильич, не будешь.

— А вот и буду,— ответил Ленин. Улыбка сошла с лица.— Буду, и даже очень.

Смутились крестьяне. Не ожидали, что дело примет такой поворот.

— Место, согласен — отличное,— продолжил Владимир Ильич.— А вот что касается памятника, то тут я решительно против. Категорически.— Ленин повел рукой.— Так и скажите в Сибири товарищам. Ясно, надеюсь. Благодарю за внимание. Желаю успехов,— попрощался Владимир Ильич.

Вернулись делегаты к себе в станицу, рассказали о встрече с Лениным.

Как водится, пошли разговоры.

— Не желает, выходит, Владимир Ильич.

— Может, место ему не понравилось?
— А вы толком с ним говорили? Сказали, что камень уже завезен?
— Сказали, сказали,— отвечают делегаты.— И место ему понравилось. И мы говорили яснее ясного. Дело тут, мужики, другое — скромность великая в Ленине.
Хотели крестьяне наперекор всему все же поставить памятник Владимиру Ильичу. Однако потом не решились. Уж очень против товарищ Ленин.
— Может, ему виднее...
Стали крестьяне думать, что же им делать с камнем. И место хорошее — зря пропадает.
И вот после долгих споров и пересудов пришли вдруг к такому согласию: построить на месте у тех вековых берез, на зависть округе, школу.
Решили и сделали.
Стоит она нынче на вышине, вписалась в сибирское небо. Березы по каждой весне новой листвой рождаются. Речка журчит под обрывом.
Полнится все вокруг веселым ребячьим смехом.
Идут годы, один за другим. Уходят жизни, события в прошлое.
А школа стоит.
Стоит в сибирской станице памятник вечный Ленину.

ГДЕ РОДИЛСЯ ТОВАРИЩ ЛЕНИН?

На воскресном большом базаре заспорили как-то крестьяне, где родился товарищ Ленин.
— Далеко он родился, аж за Уралом,— сказал один.
— Вовсе и нет,— перебил второй.— Ленин из ближних мест. Он тутошний. Наших, считай, уездов.
— Тутошний! — не выдержал третий.— Доподлинно знаю — сибирский Владимир Ильич человек. Он с Лены-реки. Вот Владимир Ильич откуда.
— Не сибирский он,— лезет четвертый.— В Петрограде Владимир Ильич рожден, в бывшем городе Санкт-Петербурге.
— В Москве,— утверждает пятый.
— В Туле,— кричит шестой.
— В Смоленске.
— Курский он, курский. Из города Глухова.
— Из Тамбова.

— Рязани.
— Твери!
Где же родился Ленин?
Не утихает крестьянский спор.
— Из Орла он.
— Из Пензы.
— Со станции Ельня.
— В селе он родился.
— Нет, неверно. Ленин родился в городе.
Подходят к спорщикам новые люди. Лезут крестьяне к любому, лишь бы ответил на их вопрос.
— Мил человек,— обращаются к первому,— где родился товарищ Ленин?
Задумался первый:
— Не знаю, где точно, только верно, что Ленин родился в горах. Зоркость отсюда Ленина. По-орлиному Ленин видит.
Обратились крестьяне к другому:
— Мил человек, где родился товарищ Ленин?
Подумал и этот.
— Ленин родился в степной полосе,— заявил он решительно.— Тут спора не может быть. Размах отсюда великий, ленинский.
Обратились крестьяне к третьему.
Третий тоже, как те, подумал.
— Вот что,— ответил третий,— Владимир Ильич из лесного края. Точно вам говорю — оттуда. Крепкой Владимир Ильич закалки. Твердость его от этого.
Растерялись совсем крестьяне.
Где же родился товарищ Ленин?
Нелегкий вопрос достался.
Неизвестно чем бы закончился этот спор. Да только тут кто-то нашелся дельный:
— Пошли в волостной Совет, к самому председателю.
Пошли к председателю, рассказали в чем дело. Выслушал тот, улыбнулся, посмотрел на крестьян и ответил:
— В Симбирске родился товарищ Ленин. На Волге — широкой, привольной реке.
Потом подумал, опять посмотрел на крестьян:
— Так что спору между вами, товарищи, вовсе нет. Ленин родился у нас, в России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАССКАЗЫ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ, КАЗАКАХ И ВОССТАВШИХ КРЕСТЬЯНАХ

РАССКАЗЫ О ЦАРЕ ПЕТРЕ И ЕГО ВРЕМЕНИ

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

БОГАТЫРСКАЯ СИЛА

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА

ЦАРЯ СКИНУЛИ

РАССКАЗЫ О ВЛАДИМИРЕ ИЛЬИЧЕ ЛЕНИНЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Сергей Петрович Алексеев

СТО РАССКАЗОВ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ

Редактор **М. В. Долотцева**
Художественный редактор **М. В. Таирова**
Технический редактор **В. А. Авдеева**
Корректор **Т. Б. Лысенко**

Сд. в наб. 18/XI-71 г. Подп. к печ. 24/VIII-72 г. Форм. бум. $60 \times 84^{1}/_{16}$. Физ. печ. л. 12,0. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 10,68. Изд. инд. ЛД-339. Тираж 100 000 экз. Цена 58 коп. в перепл. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия».
Москва, пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 2826.

58 коп.

Советская Россия